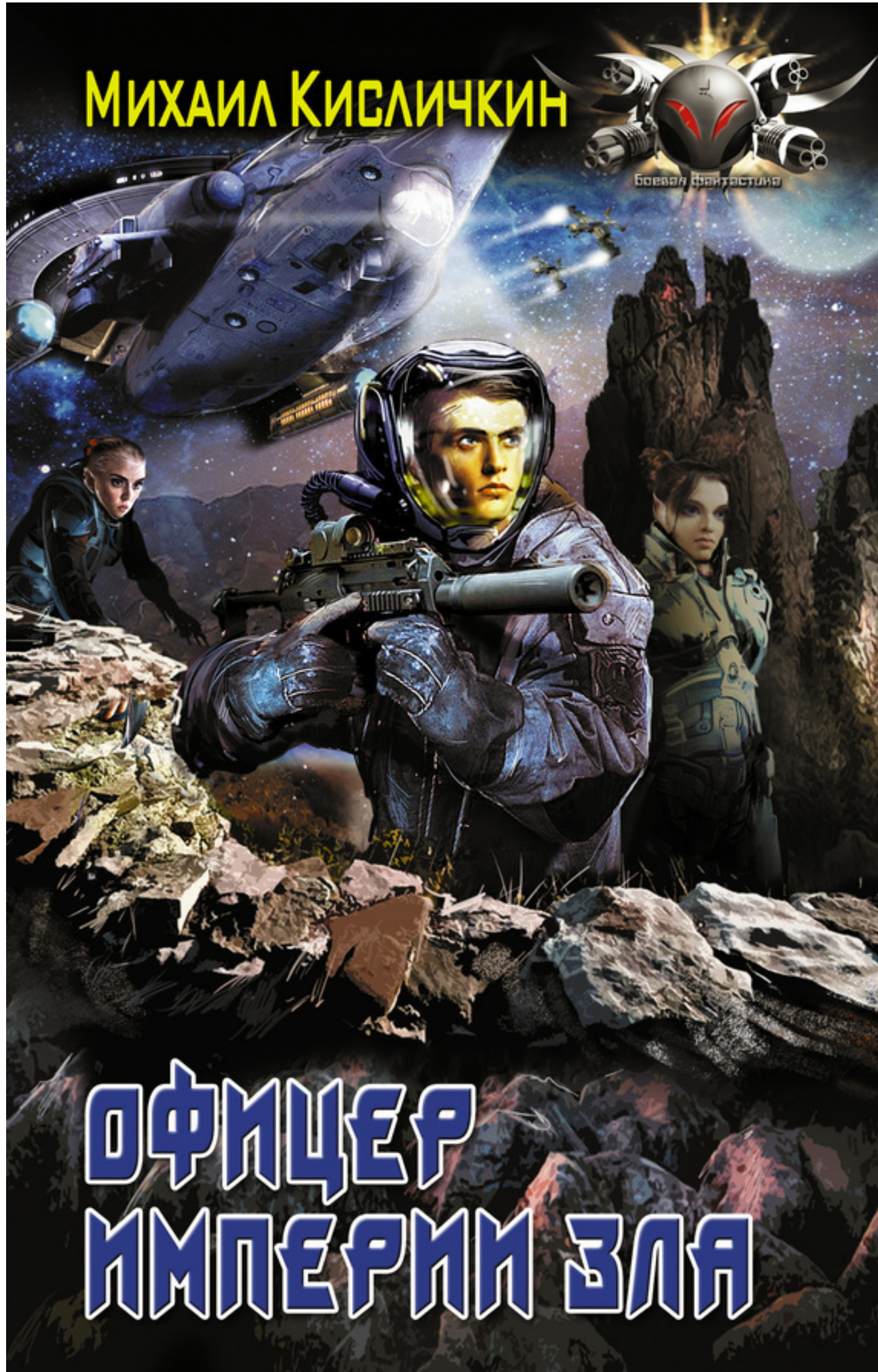

МИХАИЛ КИСЛИЧКИН

ОФИЦЕР
ИМПЕРИИ ЗЛА

Боевая фантастика (АСТ)

Михаил Кисличкин
Офицер Империи зла

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Кисличкин М. Н.

Офицер Империи зла / М. Н. Кисличкин — «АСТ»,
2016 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-099551-6

Земля, начало XXII века. Давно больная множеством проблем экономика общества глобального потребления однажды схлопнулась, породив сначала жесточайший кризис, а затем глобальную войну. Человечество вступило в осеннюю пору своей жизни, потихоньку угасая на истощенной планете. На месте бывшей России сохранилось государство, которое все свободные нации называют не иначе как «Империя зла». Его правители пытаются реализовать последний шанс человечества на жизнь и развитие, вложив остатки ресурсов в масштабную космическую программу. Обычному парню Илье было сделано странное предложение: отдать часть своей души и разума, чтобы стать единым целым с двумя генно-инженерными боевыми биороботами – симпантами.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-099551-6

© Кисличкин М. Н., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Михаил Кисличкин

Офицер Империи зла

© Михаил Кисличкин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть первая

Дождь в конце мая часто бывает некстати. В конце весны хочется больше солнца, зелени, тепла, света и пронзительно-голубого неба. Зима миновала совсем недавно, а почувствовать летнюю погоду еще толком не получилось – вот тело и просит больше тепла и солнышка. А тут дождь. Да еще какой: нудный, осенний, долгий. Мелкая серая морось пропитала все вокруг, приглушая зелень молодой листвы и добавляя еще больше уныния однообразным городским многоэтажкам, превращая в грязь каждый уголок незаасфальтированного пространства.

Впрочем, Илья сегодня на погоду не жаловался, наоборот, – самое оно. Не до прогулок. Уже пятый час подряд он сидел перед монитором и раз за разом пролистывал на экране «Пособие для поступающих в Императорский Политехнический институт им. Дэвиса. Примерные вопросы по химии и ответы к ним». Сдавать экзамен требовалось послезавтра. А особенной уверенности в своих силах парень не чувствовал. Ну не любил он химию и в политех, если честно, поступать не хотел. Но что делать, если других вариантов на жизненном горизонте не просматривается? Его проблема была в том, что он вообще никуда не хотел поступать и в свои шестнадцать лет никаких особых интересов в жизни не имел, разве что поиграть на компьютере, послушать музыку потяжелее или иногда сходить потусоваться. Но таких парней – каждый второй, не считая каждого первого. Вот и Илья – так, интеллигентный мальчик из хорошей семьи, не более того. Причем мальчик, который мало того что ничего не умеет (это еще полбеды), но и не знает толком, чего он от этой жизни хочет.

Правда, Илья четко знал, чего он не хочет: отказываться от возможной карьеры и безвольно плыть по течению жизни простым работягой. А это тоже какая-никакая, а мотивация.

Так что следовало хотя бы попробовать двинуться по жизни вперед, тем более что школа закончена две недели назад. А для этого требовалось поступать в вуз, причем сделать это лучше уже сейчас. Имперские законы были достаточно строгими: у каждого гражданина было только три возможные попытки получить высшее образование, которое было абсолютно необходимо для любой нормальной карьеры.

Поэтому терять попытку ни в коем случае не стоило. Политех – не самый плохой вариант, конкурс в три человека на место был еще терпимым. Шансы есть. Тем более что парней берут охотнее, чем девчонок. «Зубри, Илюша, зубри, лентяй, глядишь, прорвемся», – сказал парень сам себе. Однако, вопреки собственным мыслям, поступил по-другому – пошел на кухню, чтобы заварить очередную чашку кофе. От горького напитка уже болела голова и пересохло горло, но другого способа поддержать работоспособность не было. Илья нагнулся к кофейнику, и тут в дверь позвонили. «Кого еще принесло», – раздраженно подумал парень и, выйдя из кухни, подошел к экрану домофона в прихожей. Друзей он не ждал, родители уехали на дачу и должны были быть только завтра утром.

Илья взглянул на экран и в первую секунду обомлел. Перед его дверью стоял Офицер Императора. Нет не милиционер, и даже не офицер национальной гвардии. А именно Офицер Императора. В парадной форме мирного времени, все как положено: синий комбинезон, черный плащ, вместо погон, как у военных – блестящие палладиевы шпалы в петлицах. Серая фигурка сокола на фуражке говорила о его принадлежности к внутренней дивизии «Контроль», у дивизии «Порядок» был бы значок, изображающий каплевидный пехотный щит. Ну а у императорского солдата или офицера, принадлежавшего к единственной внешней дивизии «Меч», парадная форма была бы черной, а плащ, наоборот, синим. И, естественно, другая эмблема на фуражке и плече левой руки – изображение меча на фоне звездного неба. В знаках различия Илья немного разбирался – спасибо отцу, работающему на

«оборонку». Впрочем, «меченосцев» Илья еще никогда вживую не видел – только на видео в сети и на картинках.

Офицер протянул руку и настойчиво позвонил еще раз. Илья нервно сглотнул и решительно открыл дверь.

– Здравствуйте, – вежливо поприветствовал гостя парень.

– Анечкин Илья Сергеевич? – спросил офицер. Несмотря на дождь за окном, его форма была абсолютно сухой. Ледяной взгляд серых глаз уставился Илье прямо в лицо.

– Это я.

– Я могу войти?

– Пожалуйста, заходите, – Илья пропустил офицера в прихожую и закрыл дверь.

– Лейтенант Императора Серегин. Внутренняя дивизия «Контроль», – представился офицер. – У меня для вас официальное письмо из Императорской канцелярии. Покажите, пожалуйста, ваше удостоверение личности.

– Одну секунду, – Илья опрометью кинулся в зал, там, в шкафу, хранился его паспорт. Он уже начал догадываться, что произошло, хотя толком еще не мог поверить в подобное счастливое совпадение.

Офицер принял паспорт из рук Ильи и внимательно его изучил, словно владелец маленького сельского магазинчика купюру в пятьсот имперских гарантов, протянутую незнакомым покупателем в уплату пачки сигарет. Затем снял с плеча сумку-планшет, из которой извлек маленький сканер и считал информацию непосредственно с вживленного в паспорт микрочипа. Лишь после этого он позволил себе улыбнуться краем губ и вернуть документ владельцу.

– Получите, – из той же украшенной имперским гербом плоской сумки-планшета офицер извлек небольшой синий пластиковый конверт и протянул его Илье. – Здесь письмо. Отметка о вручении уже проставлена в ваш паспорт. Всего хорошего.

– А что мне теперь делать? – глупо сказал Илья, все еще не веря, что все это происходит с ним.

– Аккуратно откройте конверт. Прочитайте и обязательно сохраните письмо, оно вам пригодится как пропуск, если вы примете решение. Думайте. – Лейтенант взялся за ручку входной двери. – До свиданья, Илья Сергеевич, – сказал он и быстро вышел из квартиры, оставив Илью, держащего письмо в руках, наедине с самим собой.

Парень вскрывал конверт осторожно, поддев его с края мамиными маникюрными ножницами и аккуратно вспарывая тонкий почтовый пластик. Через несколько минут левый бок пакета оказался разрезанным, и Илья, сдерживая нетерпение, вытащил чуть синеватый лист бумаги с голограммой в виде имперского герба. Начал читать, от волнения пробегая глазами каждую строчку по несколько раз. Впрочем, текст был невелик.

«Анечкин Илья Сергеевич. Настоящим письмом вы приглашены для участия в Ежегодном Императорском Отборе. Если вы решите посвятить свою судьбу служению Мне и Империи, то вам следует явиться первого июня 94 года о. с. и. в 13–00 в главный корпус Императорского Личного Университета, Аллея Героев, Диастар, при себе следует иметь данное письмо и удостоверение личности».

А под текстом размашистая подпись и титул: «Представитель Духа на Земле и в Империи, председатель Совета проконсулов, Император Роман Первый»

Вернуться к учебнику в этот день Илья так и не смог. Впрочем, даже если бы он себя и заставил читать пособие, то толку все равно было бы ноль. Мысли путались, постоянно возвращаясь к произошедшему сегодня. Тем более что было над чем хорошо подумать.

Дата первое июня была далеко не случайной. Первый день лета и первый экзамен во все без исключения вузы империи. Неявка на экзамен – это однозначный провал. Империя по праву гордилась своими специалистами, и поэтому правила поступления и учебный процесс в вузах были организованы очень строго. Если ты подал документы и не явился на экзамен, значит, одна из трех попыток поступить окончилась неудачей. Неважно, почему ты не смог явиться – проспал, заболел, не сумел подготовиться, или даже получил письмо с приглашением в ИЛУ. Так что приходилось выбирать: или оставить письмо императора без внимания и поступать, как планировалось, в политех, навсегда забыв о выпавшем раз в жизни шансе, или ехать в Диастар, с призрачной надеждой пройти отбор. Классический выбор между журавлем и синицей.

Тестирование и медицинское обследование в выпускном классе проходили все. Копии личных дел всех учеников империи отправлялись в Диастар, где комиссия при ИЛУ отбирала кандидатов для поступления в Императорский Личный Университет. Письма, подобные тому, что получил Илья, получал лишь один из нескольких сотен выпускников школы. Личная доставка такого письма когда-то закончившим ИЛУ Офицером Императора была уже сама по себе высокой честью, древней традицией, подчеркивающей нерядовой характер события. Вот только оставался в Диастаре хорошо если каждый десятый абитуриент. Остальным несолоно хлебавши приходилось возвращаться обратно, потеряв одну из попыток поступления. И это был только первый из факторов, который следовало принять во внимание при принятии решения.

Вторым и немаловажным соображением была собственная самооценка Ильи. Гормоны в его крови, конечно, играли, период юношеского максимализма еще не прошел, и попытаться самоутвердиться, показать, что он не такой, как все, а в чем-то даже избранный, для парня было лестно. Что поделать, возраст такой. Письмо императора с приглашением в ИЛУ – это круто. Даже не так – это очень круто! Его авторитет среди товарищей и бывших одноклассниц взлетит до небесных высот. Может даже, сама Юля Снигирева снизойдет до Ильи своим вниманием и пойдет с ним на свидание... Все так.

Но, к сожалению, Илья понимал, что это будет дутая победа, а счастье закончится очень быстро, вместе с его позорным возвращением из Диастара. Наедине с самим собой Илья старался соображать здраво и оценивать себя непредвзято. То есть сам для себя он, конечно, был единственной и неповторимой личностью, но мы же говорим об объективной оценке? А тут вердикт был неутешителен: Илья был типичным середнячком. Никаким. Не особенно умным, не особенно спортивным, не особенно волевым. Не достигшим успехов в учебе и по жизни. Что говорить, у него даже своей постоянной девушки не было. Из всего этого следовал неутешительный вывод: шансы пройти отбор в ИЛУ конкретно у него минимальны, на уровне статистической погрешности. Императору нужны лучшие. А он, Илья, если говорить откровенно – обыкновенный материал для отсева. Нет, может быть, в нем есть какие-то скрытые таланты, кто знает? Но слишком уж рассчитывать на это не стоило. Так, может, избежать неизбежного позора и спрятать письмо куда-нибудь подальше? Неизвестно даже, что хуже: вернуться из Диастара, не поступив в ИЛУ, или не пытаться поступать, имея на руках приглашение. В обоих случаях это клеймо лузера на всю жизнь.

И, наконец, третье – казарма. Все поступившие в ИЛУ, даже не связанные напрямую с армией специальности, проходят через курс молодого бойца и службу в течение нескольких лет в одной из императорских частей. Уже далее возможны варианты, а поначалу – только казарма. Никаких «студент гуляет весело от сессии до сессии» в его жизни точно не будет. Мягко говоря, это не тот вариант, о котором Илья мечтал. По уму следовало забыть про

полученное письмо и поступать в политех, как предполагалось изначально, не сказав никому ни слова.

Однако этот, такой разумный вариант сталкивался с другим соображением. Илья понимал, что если он не попытается поступить в ИЛУ, то будет жалеть об этом всю свою жизнь. От шанса стать «сыном императора» не отмахиваются.

Имперская элита немногочисленна. Закончившаяся военным поражением Великая война и последовавший за ней крах Второй империи выкосили большую часть некогда многочисленной имперской аристократии, чьи кости белеют сейчас в безымянных могилах по всем трем континентам. Однако именно из остатков ее представителей до сих пор состоят три личные императорские дивизии и спецчасти. Проконсулы, консулы, «государственные ответственные» с первого по третий ранг – это все «дети и дочери» императора. Они могут без пропуска въезжать в Диастар и жить в нем, только они имеют право владеть чуть ли не гектарами земли в собственности, только они могут передавать личное дворянство своим детям. Они неподсудны гражданским судам и общеимперским законам. Соль империи, всего около пятидесяти тысяч человек на сорокамиллионное государство, бывшее когда-то до войны двухсотмиллионным. Звание сына или дочери императора нельзя купить ни за какие деньги, простой офицер императорской личной дивизии «Порядок» может смотреть на владельца заводов, сетевых медиа и океанских кораблей свысока. А способов попасть обычному человеку из народа в число «детей» всего два: получить письмо, подобное тому, что Илья сейчас держит в руках, а затем поступить в ИЛУ и закончить его, или сделать нечто настолько полезное для империи, что его произведут в звание именным указом. Других социальных лифтов не предусмотрено. Так что основания рискнуть у Ильи были, несмотря на исчезающие малые шансы на успех. В конце концов одно чудо уже произошло – он получил приглашение.

Остаток этого дня Илья провел как в лихорадке. Меряя квартиру шагами, он склонялся то к одному решению, то к другому. Были минуты, когда Илья уже был готов порвать ставшее вдруг ненавистным письмо. Но потом психологический «маятник» в его взбудораженном мозгу выдавал радостные картины противоположного свойства: вот он на побывке дома, вот он в отглаженной сине-черной с серебристыми рунами форме как будто случайно встретился на улице с Юлей... Она тогда точно поймет, насколько была неправа, не обращая на Илью внимания, он им всем докажет... Ведь первое июня уже послезавтра.

Ночь тоже прошла как в бреду. Илья спал от силы часа три, остальное время лишь ворочался с боку на бок и думал, думал, думал. Но принять окончательное решение не мог.

Решение мгновенно пришло утром, причем само собой. Это случилось в ту секунду, когда он молча протянул приехавшим родителям полученное письмо. Мама не сразу поняла, что это такое. Но, едва пробежав взглядом первые строчки, она выпустила из руки пакет со свежесобранной редиской и грузно осела на табуретку в прихожей. Отец, двадцать лет проработавший на военном заводе по производству генераторов Бэйла и доросший из простых рабочих до начальника смены, был выдержаннее в своих эмоциях. Но его взгляд, после того как он прочитал приглашение, Илья запомнил надолго. В нем было все: потрясение, радость, удивление, вопрос. Но больше всего там было гордости за своего сына. Однако все эти тонкости Илья осознал потом. В этот же момент ему стало ясно – отказаться он не может. Его после этого собственный отец уважать перестанет.

– Батя, мне завтра с раннего утра ехать, – только и сказал Илья. – Денег дай, побегу билет на «протон» покупать.

– Молодец, Илюх! – отец был немногословен. – Порадовал! – И крепко обнял сына. – Я всегда в тебя верил.

Серебристый «протон» набирал скорость мгновенно. С еле слышным чавканьем закрылись герметичные двери, затем послышалось басовитое, на одной ноте, гудение накопителей. Негромкий хлопок, тело ощутимо вжимается в спинку кресла, и поезд начинает разгон. Первую минуту еще видны отдельные многоэтажки, деревья, люди, а затем после громкого хлопка ускорение растет скачкообразно, и город за окном сливается в серую размазанную ленту. Скорость очень велика, да и создающее разреженную воздушную зону вокруг поезда поле искажает картинку. Протон летит, как пуля, едва не касаясь черной струны энергорельса и высоких решетчатых мачт-стабилизаторов откатной волны. Только серое сменяется зеленым за толстым дымчатым стеклом.

Поездка на «протоне» не из дешевых. Но если ты едешь в Диастар по личному приглашению императора и до экзамена остается несколько часов, экономить не приходится.

После остановок в Цероле и Бекетовке до Диастара остался последний перегон. В почти пустом вагоне осталось меньше десятка пассажиров. Только те, кто ехал в Диастар – конечный пункт маршрута «протона». Илья с любопытством рассматривал попутчиков. Вот несколько богато одетых мужчин и женщин среднего возраста, с застывшими высокомерными выражениями лиц и надменной осанкой. С ними все понятно – старая имперская аристократия или родственники детей императора с постоянной визой. Двое мужчин помоложе, в подчеркнуто строгих деловых костюмах, – скорее всего служащие по найму. Пожилой мужчина в дорогом костюме и со старомодным дипломатом, скорее всего бизнесмен, из тех, что занимаются казенными закупками. Наверное, получил хороший контракт от императорского двора, едет согласовывать детали. А вот молодой парень в легкой синей курточке с серым рюкзаком на коленях, и к бабке не ходи – такой же абитуриент, как и Илья.

Заметив направленный на него взгляд, парень улыбнулся и кивнул Илье, видимо тоже опознав собрата. Лицо у него было приятное, открытое, улыбка чистая, внушающая доверие. Так что Илья, сам не ожидая от себя подобной бесцеремонности, встал с места и пересел на свободное кресло вперед, рядом с ним. Впрочем, парень не возражал.

– Привет. Я Леха. – Незнакомец крепко пожал протянутую руку. – В ИЛУ поступаешь?

– Да. Меня Илья зовут.

– Хорошо. Давай вместе держаться. Ты в Диастаре раньше был?

– Нет.

– Такая же ерунда. Нам осталось всего четыре часа, а как ехать, – непонятно. Как там добраться до Аллеи Героев? В сети ни карт, ни разъяснений, – посетовал Алексей.

– Так это же Диастар, – пожал плечами Илья. – Полная секретность до паранойи включительно. Думаю, по приезду у кого-нибудь спросим. Уже скоро.

– Точно, – Алексей посмотрел в окно, за которым была лишь угольная чернота. – Похоже, мы уже под Атлинским хребтом.

– Туннель Надежды, – добавил Илья, решив блеснуть эрудицией.

– Ну да. Минут десять – и прибыли.

Действительно, вскоре тьма за окном исчезла, а поезд начал сбрасывать ход. Еще пара минут, и остановка. Будущие абитуриенты с интересом уставились в окно – каков он, легендарный Диастар? Но ничего интересного не увидели – перрон, а за ним высокая металлическая стена с несколькими широкими дверями и вывесками над каждой из них. Где-то над стеной, если прижаться к самому стеклу и смотреть вверх, видны вершины недалеких гор. Двери в вагоне пока оставались закрытыми.

– Приготовьте, пожалуйста, ваши документы, – произнес динамик где-то в торце вагона.

– Таможня, – прокомментировал очевидное Алексей, когда в вагон вошли четверо человек в синей униформе. Илья уже достал паспорт и письмо-приглашение. На сайте ИЛУ было сказано, что этого для абитуриентов достаточно.

Проблем с документами у Ильи с Алексеем действительно не возникло. Более того, не пришлось и ломать голову о том, как добраться до ИЛУ. За день до отбора в императорский университет таможня хорошо знала, что ей следует делать. Офицер мельком посмотрел на их паспорта и приглашения, что-то отметил себе в компьютере и велел парням следовать за собой, оставив приготовивших паспорта с въездными визами пассажиров на своих коллег. Следуя за офицером, они выбрались на перрон, вошли в одну из дверей, проследовали сначала через узкий коридор, а затем через несколько больших, но почти пустых залов вокзала и вышли на площадь.

Илья и Алексей жадно рассматривали окружающий их город. Однако ничего особо замечательного на глаза парней не попадалось. Площадь как площадь, окруженная невысокими, казенного вида домами и чахлыми деревьями вдоль пешеходных дорожек. Если бы не монументальный пластобетонный куб вокзала и видимые где-то в нескольких километрах к северу высотные здания этажей в тридцать – сорок, то можно было бы подумать, что они в каком-нибудь маленьком провинциальном городке, а не в городе-резиденции императора. Тем не менее белеющие вокруг со всех сторон горные вершины ясно говорили о том, что они именно в Диастаре. Он в империи такой один – город в ущелье, стиснутый со всех сторон крутыми склонами Аттлинских гор, о которых с детства наслышан каждый гражданин империи. «Свободные нации во время войны отчаянно штурмовали Диастар в течение нескольких месяцев, и только мужество защитников и эти горы спасли Императора и его народ», – типичная фраза любого учителя на уроке по новой истории.

На площади парни провели всего лишь пару минут. Выйдя на улицу, таможенник достал коммуникатор, быстро переговорил с кем-то, и к зданию вокзала тут же подъехал белый туристический автобус с черносиним имперским флагом на пассажирской дверце.

– Садитесь, – коротко сказал офицер. – Автобус за вами. – Подождя, когда парни войдут в салон, он шустро втиснулся вслед за ними и коротко бросил водителю: – Эти последние. Отвози их и сразу возвращайся обратно, через час будет еще партия. – Водитель кивнул головой и, едва дождавшись, пока таможенник покинет салон, закрыл дверцу и сразу же тронул машину с места.

В автобусе уже сидели с десятков молодых парней и две девушки. Нехитрый багаж пассажиров валялся тут же на свободных сиденьях.

– В ИЛУ? – задал глупый вопрос Илья, обращаясь ко всем сразу.

– Куда же еще? – снизошла до ответа одна из девушек, невысокая, с тонкой талией, одетая в черные джинсы и желтую майку. – Между прочим, мы вас уже полчаса ждем.

– Так поезд только что пришел, – зачем-то стал оправдываться Илья.

– Ничего, – весело сказал девушке Алексей, плюхнувшись на свободное кресло. – На экзамены успеем.

– Нам бы в университете могли дать подготовиться, а мы тут вас ждем, – слегка обиженно отозвалась та. – Через несколько часов тесты, а я не знаю даже, о чем пойдет речь.

– Перед смертью не надышишься, – легко возразил девушке Леха. – Сама знаешь, ИЛУ списка требований и экзаменационных билетов не публикует. Зато и взятку не берет. Никогда не знаешь, что им нужно. Тут уж наудачу – или пройдешь или не пройдешь. – Тебя как зовут, синеглазая?

– Маша. То есть для вас, молодой человек, – Мария Сергеевна.

– А меня Лехой кличут. Не горюй, Маша. Прорвемся.

Девушка от подобной бесцеремонности лишь передернула плечиками и отвернулась к окну.

Дорога заняла около получаса. Автобус петлял по узким улочкам, то влезая на очередную крутую горку, то спускаясь с нее. Со всех сторон, плотно прижимаясь стенами друг

к другу, стояли невысокие дома, мелкие магазинчики, промелькнуло несколько открытых летних кафе под тентами из разноцветной ткани. Никакой особой роскоши или помпезности Илья не увидел, что его слегка обескураживало. Как так может быть, что легендарный город, в котором живет элита империи и располагается императорский двор, выглядит чуть ли не беднее его родного Арнинска, вполне себе заурядного райцентра? Да у обитателей Диастара, как всем давно известно, денег куры не клюют. Где они их тратят?

Вскоре городские кварталы остались позади, а еще через десять минут движения по ровной дороге автобус остановился.

– Приехали. Выходите и идите прямо по аллее. У главного входа вас встретят. – Водитель был немногословен.

Илья выбрался из машины первым и на некоторое время остановился, дожидаясь остальных. Тем более что было на что посмотреть. Впереди расстился широкий парк, через который вела дорога, мощенная идеально подогнанной друг к другу розовато-белой мраморной плиткой. Точнее, это была аллея – с обеих сторон дороги через короткие промежутки росли дубы и стройные равнинные тополя, сначала низенькие и тонкие, а затем все выше и выше. У каждого из деревьев на полутораметровом постаменте стоял небольшой бюст с именной табличкой. Не узнать знаменитую Аллею Героев было трудно. Именно она, как известно, ведет к главному входу в императорский университет. Илья знал, как она была построена: после войны в честь каждого кавалера ордена «Герой империи» и «герой духа первой степени» вдоль дороги, ведущей в ИЛУ, было принято сажать именное дерево и ставить памятник. Так сказать, для увековечивания памяти героев и воспитания юной имперской элиты в патриотическом духе. У самого университета деревья были высокие, а памятники старые, принадлежащие еще героям военных лет, но чем ближе к концу, тем деревья становились ниже, а камень постаментов светлее. Впереди виднелось главное здание университета – большое, но благодаря множеству колонн примыкающих к нему портиков и причудливому украшению фасада, не производившего тяжеловесного впечатления, похожее одновременно и на храм и на рыцарский замок.

– Пойдем, народ, – взял на себя командование абитуриентами Алексей. – Что стоять без толку? Автобус уже уехал, а нас вечно ждать не будут. – В этот раз ему никто не возразил. Парни и девушки подхватили свои пожитки и, сбившись в кучку, пошли вперед, удивленно глядя по сторонам.

У входа их ждал офицер из дивизии «Контроль» в парадной форме. Быстро просмотрел письма-приглашения и тут же начал командовать.

– Меня зовут Телегин Сергей Ильич. Воинское звание – младший центурион, научное – приват-доцент ИЛУ. Значит так, вам присваивается кодовый номер группы абитуриентов И-111. Запомните этот номер. Сейчас следуйте за мной. – Центурион показал на открытую дверь парадного входа. – Далеко не заходим, не теряемся, – лифт сразу справа от входа, наша аудитория на минус третьем этаже, – поторопил он вертящих головами в огромном холле абитуриентов. – Слушайте меня внимательно. Тесты начнутся немедленно. Если кто-то из вас голоден или хочет пить, он может взять на специальном столе в аудитории шоколад, легкий паек, воду или тоник. Съесть их можно прямо на месте во время выполнения теста. Но если вы не голодны, набивать брюхо не советую – скажется на работоспособности. Туалет тоже рядом с аудиторией, если что.

Группа абитуриентов вышла из лифта и пошла по застланному зеленой ковровой дорожкой коридору, с правой стороны которого через равные промежутки располагались деревянные двери с номерами. Центурион остановился у двери с номером Ф-31.

– Вот ваша аудитория. Каждый садится за свой стол, туда, где лежит пакет с его фамилией. Распечатывает его и начинает выполнять свое задание. Спрашивать других запрещено. Предупреждаю сразу – помещение просматривается, сеть не ловится. Лучше не ловчите –

себе же хуже выйдет. Туалет через две двери вперед по коридору. Разгуливать вне аудитории и вообще ходить дальше, чем до туалета, запрещено. Через три часа двадцать минут я соберу работы. Все, время пошло.

– Нельзя же так, – тихо пискнула Маша. – Без подготовки, сразу. Я думала, нам дадут время, расскажут...

– Что? – оборвал ее центурион. – Вы понимаете, что вы собираетесь стать дочерью императора? Влиться в элиту имперской армии? Это значит, что вы должны не только обладать необходимыми знаниями, но и быть готовым действовать в стрессовой, неожиданной и быстро меняющейся обстановке. Этот экзамен не только на одни знания... Как вы собираетесь идти в атаку на пулеметы свободных наций, если вы не можете сразу взять себя в руки? Это характеризует вас не с лучшей стороны.

– Простите. Не подумала, – сильно побледнев, сказала Маша. – Я имела в виду...

– Не тратьте свое и чужое время, приступайте к заданию, – центурион распахнул дверь в аудиторию. – У вас осталось три часа и девятнадцать минут.

Аудитория отличалась спартанской обстановкой. Два десятка столиков со стульями, рассчитанных на одного человека. Впереди на стене – большая настенная видеопанель, сейчас выключенная, рядом с ней скромная преподавательская кафедра. К видеопанели прижималась белая пластиковая доска с набором смываемых маркеров в специальных гнездах. Рядом с ней столик, на котором лежали серебристые пакетики с булочками и шоколадом и бутылочки с тоником. Все, в общем, понятно, обстановка почти как в школе. Илья, сразу прихватив одну шоколадку и бутылку, прошел вдоль ряда столов и без труда отыскал тот, на котором лежал бумажный пакет с его фамилией. Сел, слегка волнуясь, осторожно порвал пакет с левого края.

Внутри обнаружилась стандартная гелевая ручка и пачка бумажных листов. С десятков чистых, шесть с напечатанным текстом. Быстро рассортировав их на две кучки, абитуриент вчитался в текст листа, пронумерованного цифрой один.

Никакой вводной или объясняющей части. Сразу тесты. Илья просмотрел первый и второй лист до конца. Вроде ничего сложного – найти аналогии в нарисованных фигурах, дополнить числовые ряды, задания на логику, требующие выбрать из ряда выводов тот, который соответствовал некому утверждению.

Третий лист был посвящен химии, что Илья счел добрым знаком, все-таки ее он довольно плотно учил, чтобы подготовиться к поступлению в политех. Четвертый лист – алгебра, решение уравнений и двух математических задач. Пятый – какие-то общие вопросы по биологии, истории, географии. Последний лист предлагал написать небольшое сочинение на тему «Моральные аспекты генетических экспериментов над людьми»

Первым делом Илья начал с химии. Быстро написал ответы на вопросы или проставил нужную отметку в предложенных вариантах ответов и перешел к задачкам. Судя по условиям – ничего сложного. Записать химическую реакцию, набросать материальный баланс, рассчитать выход продукта, записать ответ. Однако с энтузиазмом приступив к работе, он вдруг понял, что не все так просто. Элементы в составленной реакции не желали уравниваться, простая пропорция не получалась. Илья прикинул так и этак, но ошибка не находилась. Стал пересматривать уравнение, напряг память и все-таки нашел ошибку, стал пересчитывать снова...

Одну из задач он решил, но на второй сломался. Ерунда в ответе получалась, а почему – непонятно. Посмотрел на часы и ужаснулся – с химией он провозился почти полтора часа. А рядом лежат еще пять листов, к которым он даже не приступал...

Пытаясь наверстать упущенное, парень бросился к первым двум листам. Но и тут все оказалось непросто. Нет, тесты решаемые, но время, время! Заполнив только первый лист и потратив на это почти двадцать минут, Илья бросился к математике, тут тоже надо было

успеть хоть что-то сделать. И понял, что несмотря на внешнюю простоту, математические задания тоже не станут подарком. Интересно все было составлено – вроде и ничего сложного, а в лоб не решается, в каждом задании своя хитринка, поди, найди ее. Особенно когда недостаток времени и обилие заданий никак не дают сосредоточиться на чем-то одном.

К сочинению Илья приступил лишь за пятнадцать минут до окончания отведенного им младшим центурионом срока. «Моральные аспекты генетических экспериментов», блин. Поздно уже думать над полноценным сочинением, успеть бы набросать несколько фраз. Тем более что голова уже совершенно не работала. «Что бы им написать, – мучительно соображал Илья. – Хорошо это или плохо? Давай попробую и так и так. Дескать, вообще-то плохо, но иногда для науки хорошо. Блин, десять минут осталось».

Телегин пришел секунда в секунду. Забрал исписанные листы, не слушая просьб дать «дописать вот буквально одну строчку», и велел следовать за собой. Илья впервые за время экзамена поднял глаза и глянул на своих товарищей. Нда... Похоже, тут некому хвастаться. Взгляды у парней и девушек были потерянные, вид невеселый. Станным образом это вселило в сердце Илья некоторую надежду на благополучный исход дела. Кто-то же поступает в ИЛУ? В правильность своих ответов он верил мало – многое делалось наспех, кое-чего он вообще не написал, сочинение откровенно заporол. Плохо дело, честно говоря.

Младший центурион отвел абитуриентов еще на один этаж вниз. Там они соединились с другой группой поступающих, судя по их нерадостным физиономиям, тоже только что прошедших экзамен, и все вместе отправились в столовую. Неразговорчивая толстая повариха положила каждому по поварешке жидкого картофельного пюре, плюхнула сверху по две серых тефтели. В глубоких металлических тарелках уже был налит чуть теплый гороховый суп – одна тарелка в одни руки. Обстановка столовой, как и экзаменационная аудитория, изысками не отличались – стойка с подносами, окошко выдачи пищи, два длинных общих стола с табуретками, голые стены, покрашенные светло-зеленой краской. Весь ее вид словно говорил – глотай скорее и отваливай.

– Ты как, все сделал? – негромко спросил Илья у Алексея. – Я сочинение совсем не успел. И математику... не уверен я насчет своей математики.

– Бред какой-то, – кивнул головой, соглашаясь, парень. – Хотел бы я знать, кто-нибудь вообще может выполнить все эти задания в такой срок? Мне на одни тесты час понадобился.

– А смотри, как наша Маша бодро ложкой работает. На вид и не скажешь, что любительница пожрать, – предчувствие неудачи делало Илью желчным. – У нее-то, наверное, все написано просто замечательно, так что и горох в охотку.

– Не, это нервное, – не поддержал его Леха. – Некоторые от волнения кусок в горло не могут засунуть, а других, наоборот, на пожрать пробивает. Видел я ее во время экзамена... Не злись, нервы нам всем еще понадобятся. Результаты только завтра объявят. Ненавижу в таких случаях ждать.

– Это точно, – вздохнул Илья.

Откровенно говоря, Илья думал, что ему удастся вдоволь побродить по знаменитому императорскому университету, а то и при удаче попасть в город. Пусть он не поступит в ИЛУ, но хоть будет, что рассказать дома. До вечера время есть, везли их от Диастара до территории университета от силы минут десять по ровной дороге, на вполне умеренной скорости. Пусть семь-восемь километров туда, столько же обратно. При желании налегке можно успеть часа за четыре-пять, включая время в городе. Однако его планам не суждено было сбыться. После обеда Телегин собрал абитуриентов и отвел их в выделенную для них казарму, располагающуюся там же, на минус третьем этаже. Илья вообще начал подозревать, что под землей Императорский университет занимает места как минимум не меньше, чем над ней.

– Зачем вам выходить наверх? – ответил на вопрос одного из парней центурион. – Городской визы у вас нет и делать там вам нечего. После завтрака объявим результаты, тех, кто не поступил, посадят на автобусы и отвезут на вокзал, прямо к поезду. Обратный билет до дома будет куплен за счет его величества. Скажу честно, это завтра предстоит большинству из вас. – Телегин немного помолчал, словно раздумывая говорить или нет, а потом все же добавил: – Те, кто поступит в ИЛУ, тоже могут сильно не обольщаться. Курс молодого бойца вещь суровая, города вы долго не увидите.

В казарме, где предстояло ночевать пяти соединенным группам абитуриентов от И-111 до И-115, стояло с полсотни двухъярусных кроватей. Пакеты с чистым бельем лежали прямо на мелких комковатых подушках. Еще каждому полагалась небольшая тумбочка для личных вещей. На стене работал видеозэкран с не переключаемым государственным каналом «Служу Империи!» – как говорится, можешь смотреть, можешь не смотреть. По половому признаку девушек и юношей не делили – видимо, решили, что одну ночь перекантуются и так, никаких глупостей наделать не успеют. Опять же все друг с другом не знакомы и все у всех на виду.

Илью, впрочем, это устраивало. Для однократной ночевки условия очень даже комфортные, даже с некоторой романтикой, словно в армии побывал. Про прогулки по Диастару что-нибудь и соврать можно, если потребуется. Обидно было терять одну попытку поступления, но ничего – бывает. В ИЛУ не каждый поступает. Парень залез на второй ярус одной из кроватей, да так и пролежал несколько часов до ужина, попеременно глядя то в серый потолок, то на видеозэкран. Волнение понемногу проходило, со своей судьбой он уже смирился – в конце концов он заранее знал, что для него шансов практически нет.

На ужин абитуриентов повел все тот же младший центурион Телегин. Однако тут Илью ждал сюрприз. Уже на подходе к знакомой столовой их группу нагнал молодой человек в белом халате, который подошел к младшему центуриону и что-то начал ему говорить, показывая какую-то бумагу.

– Анечкин кто? – вдруг громко крикнул Телегин.

– Это я, – отозвался Илья.

– Пройди с этим молодым человеком. Тут одно дело есть.

– Хорошо. – Илья почувствовал, как его сердце забилось быстрее.

Вместе с незнакомцем они дошли до лифта и поднялись выше на два уровня, Илья ожидал, что его провожатый хоть что-нибудь скажет, но тот хранил молчание. Они вышли в широкий коридор с голубой ковровой дорожкой и прошли до круглого зала с несколькими дверями, войдя в одну из них. За ней оказался кабинет, в котором за массивным деревянным столом сидели двое военных. Один пожилой, лет пятидесяти, с резкими, словно топором высеченными чертами лица. Другой помоложе, блондин с холодным взглядом бледно-серых, почти бесцветных глаз. Черная форма, синие плащи, палладиевые кубики в петлицах. На плече – эмблема меча на фоне звездного неба. «Внешняя дивизия “меч”», – мелькнуло в голове у парня. Ну, надо же...

– Этот? – спросил провожатого Ильи офицер постарше.

– Точно, Анечкин.

– Проверь.

– Наденьте, пожалуйста, – сопровождавший парня «врач» в белом халате протянул Илье плотную резиновую шапочку, от которой отходило несколько проводков к помаргивающему светодиодным прибору в углу комнаты.

– Зачем? Что это?

– Так надо. Это не причинит вам вреда. Просто наденьте и посидите спокойно несколько минут.

Илья решил не спорить. В конце концов, если понадобились дополнительные исследования, то все может быть не так плохо с его поступлением. А прибор, скорее всего, какой-нибудь томограф или что-то вроде, вещь достаточно безобидная.

– Ну как? – спросил врача офицер постарше, когда тот, наконец, снял с головы Ильи «шлем». Илья во время «процедуры» никаких необычных ощущений не испытывал и вообще чувствовал себя довольно глупо. – Есть зубец?

– Да, – ответил оставшийся безымянным врач. – Мнемограф выдает двойной Z-пик, ошибка исключена.

– Ну что же, – слегка улынулся «меч» и посмотрел на Илью. – Видимо нам с вами предстоит серьезный разговор. Как тебя зовут?

– Илья. Фамилия Анечкин.

– Очень приятно, Илья. Я тебе тоже представлюсь, но чуть попозже, по результату нашей беседы. Скажи правду, ты очень хочешь поступить в ИЛУ и стать сыном императора?

– Да, – удивился Илья. – Я же сегодня сдал экзамены...

– Дерьмо у тебя, а не экзамены, – не переставая улыбаться, сказал офицер. – Я имею в виду твой результат сегодняшних тестов, Илья. Тридцать процентов из ста – это без шансов. Таких в ИЛУ не берут.

– Но...

– Результат экзаменов плохой. Если бы работы поступающих не проверяли психологи, ты бы сейчас спокойно поужинал, а завтра поехал домой. Но посмотрев твои ответы в тестах, специалисты сделали вывод, не спрашивай меня как, что именно ты можешь кое для чего пригодиться. А двойной зубец на мнемограмме это подтверждает. Скажу больше, твои способности лежат в сфере интересов дивизии «Меч» и дивизии «Порядок». Не самые плохие дивизии, мягко говоря. Многие из выпускников ИЛУ мечтали бы начать карьеру со службы в одной из них. Понимаешь, о чем я?

– Да, конечно, – Илья почувствовал, как у него пересохло во рту.

– У тебя есть такая возможность. Если ты согласишься на эмпат-симбиоз по программе Д-21. – Офицер посмотрел на недоумевающего Илью и со вздохом добавил: – Их когда-то в народе называли «ночными демонами», а сейчас все больше «черными крысами». Я же предпочитаю научный вариант: офицер-симбионт с генно-инженерными прото-человеческими организмами. Твои способности большая редкость, Илья. Ты потянешь сразу двоих особей.

– Прошу извинения, господин трибун, но я бы попросил вас не использовать слова «особь» по отношению к симпантам, – неожиданно прервал пожилого второй офицер. – Вы прекрасно знаете, что они разумны и... и это звучит оскорбительно.

– Извиняюсь. – К удивлению Ильи, пожилой офицер тут же сдал назад и даже попытался изобразить на своем каменном лице некое подобие улыбки. – Я не хотел вас обидеть, Иван Матвееч. Может, вы сами дальше расскажете Илье о нашем предложении?

– Хорошо, – кивнул головой молодой «меч». – Но сначала я хотел бы спросить нашего кандидата. – Офицер посмотрел Илье прямо в глаза. – Ты сам, парень, что об этом думаешь? Илья ненадолго задумался, вспоминая, что ему известно о «полукрысах».

– Я, честно говоря, их видел только один раз, – начал он. – Как-то у нас в Арнинске проходил по проспекту Дэвиса офицер с двумя... симпантами. Здоровенные такие, им все прохожие дорогу уступали. Подальше, метров за двадцать. Говорят, что эти офицеры с крысами живут. А они им служат. И что каждая такая кры... извините, симпант, тигра порвать в клочья может. Слушаются они только хозяина, который ими мысленно командует. И еще говорят, ну...

– Смелее, говори, что думаешь, не бойся меня обидеть, – подбодрил Илью офицер.

– Говорят, что хозяин симпантов больше с людьми общаться не может. Вроде как он уже тоже не совсем человек, – закончил свою мысль Илья. – Вы знаете, я бы этого не хотел. Может, я на какой-нибудь другой факультет сгожусь? Вдруг где недобор? – сказал Илья, не очень-то веря, что подобное чудо может случиться. – А если нет, то я все понимаю – не поступил, значит, не поступил. Поеду завтра домой.

– Ясно, – коротко ответил «меч». – Все как всегда, те же байки. Вот скажи мне, Илья, я как, по-твоему, человек?

– Конечно.

– А ведь я тот самый «хозяин крыс», как ты чуть не выразился. У меня есть два симпанта, одну зовут Книсс, другую Шеоле. Хочешь познакомиться? А то я могу позвать своих мышек, увидишь, что на самом деле в них нет ничего страшного. Наоборот, симпатичные такие, пушистые, добрые, ласковые, – Илья заметил, что при упоминании своих симпантов взгляд офицера утратил прежнее холодное выражение.

– Нет, не надо никого звать, – внутренне содрогнулся Илья.

– Не надо, значит, не буду. Только пойми, парень, разговоры о том, что мы перестаем быть людьми – это вранье. От начала до конца. Моя фамилия Максимов, зовут Иван Матвееч. Я не только офицер-симбионт с двумя личными симпантами, но и начальник факультета Д-21, который занимается в ИЛУ непосредственно обучением групп симпантов и их офицеров-хозяев. Воинское звание – старший центурион. И о симбионтах я знаю больше, чем кто бы то ни был. Так вот, ничего от тебя в плане личности не убудет. Только добавится. Другое дело, что не буду врать – свои сложности будут. Давай я расскажу тебе, как обстоят дела с симпантами в реальности, хорошо? Я бы хотел, чтобы ты понял сказанное максимально точно, поэтому можешь прерывать меня и задавать вопросы, если что-то неясно.

Илья послушно кивнул головой.

– Начать, пожалуй, лучше издалека, – сказал офицер и выдержал небольшую паузу. – Со времен Великой войны. Историю, я думаю, ты знаешь в общих чертах. Однажды, в один далеко не прекрасный день, стало ясно, что империя неизбежно проиграет. Свободные нации пока только готовили свой священный десант на побережье Алтии, наш континент был еще свободен, но имперские войска уже выбили отовсюду, кроме метрополии. Сепаратные переговоры о мире с участниками антиимперской коалиции сорвались... Откровенно говоря, свободным нациям было за что нас ненавидеть: на их территории мы успели натворить немало... разного. Не буду отвлекаться, слушай дальше. Промышленность империи работала на износ, но кадровая армия и лучшие роботизированные и танковые дивизии навсегда остались в Наирском и Пражском котлах. Города и заводы бомбили. Мобилизационный ресурс почти исчерпан, поставки сырья в метрополию прерваны. В общем, конец империи явно приближался. И тогда император Тит сделал ставку на создание сверхоружия. Была поставлена задача сделать нечто такое, что повернет ход войны вспять.

– Разрушитель? – спросил Илья.

– Да, в конечном итоге сработал именно Разрушитель. Успеха достигли физики со своей теорией наслоенных вероятностей и разрыва причинно-следственных связей в материи. Но также ставка была сделана и на генную инженерию с биотехнологией. Так вот, вся программа по созданию симпантов и факультет Д-21 берет свой исток из исследований имперских военных генетиков той эпохи. Первые боевые симпанты родились именно тогда.

– Людей скрещивали с крысами, – вставил реплику Илья. Зря он это сделал, офицер, услышав ее, поморщился, как от зубной боли.

– Какой бред. Илья, ты вообще на уроки биологии ходил? Или смотрел вместо них дешевые ужастики?

– Извините, не подумал. – Илья почувствовал сильный стыд. – Конечно же, люди и крысы не скрещиваются.

– Ну, хоть это ты понимаешь, – покачал головой Максимов. – Слушай дальше. Ты прав, люди и крысы не скрещиваются. Никак. Даже в лаборатории генно-инженерными методами собрать из геномов человека и крысы нечто общее нельзя. Забудь вообще о крысах они тут ни при чем.

– Но как тогда...

– Слушай внимательно и поймешь. Ты знаешь, сколько у человека хромосом?

– Вроде двадцать три, – напряг память Илья, пытаясь реабилитироваться за прошлую промашку.

– Почти верно. Двадцать три пары линейных хромосом, а всего сорок шесть. В них более трех миллиардов нуклеотидов. Так вот, из всего этого добра реально участвует в синтезе белков менее девяноста процентов генетического материала. Для остального ранее использовался термин «мусорная ДНК». Предполагалась, что там находится так называемый «мусор» – битые и неиспользуемые фрагменты генетического кода, которые отвергнуты эволюцией. Был, правда, ряд исследователей, которые полагали, что это не так или не совсем так. Природа практична. Если там мусор, то почему организм от него не избавился? А может, там есть и что-то еще? Как ни странно, но в конце Великой войны они получили карт-бланш на свои исследования. Деньги и ресурсы требовались сравнительно небольшие, а император Тит был готов схватиться за соломинку. Когда кто-то из ученых пообещал возможность, даже теоретическую, создания «суперсолдат», он дал добро. Об этических нормах в то лихое время никто и не вспоминал.

Так вот, ученые оказались правы. Выяснилось, что генетический «мусор» содержал информацию о всех прошлых состояниях человеческого организма. Наши предки не ушли бесследно, полная информация о них была сохранена в неиспользуемом коде. Если провести грубую аналогию, то это подобно компьютерным бэкапам, в которых хранится информация о прошлых состояниях системы. Все, чем мы были тысячи и даже миллионы лет назад – есть в нас всегда, просто данная область генетической памяти заблокирована.

– Они смогли ее восстановить?

– Да. Точнее частично. Спешка была дикой, нужен был результат. Для активации заблокированных генов использовали специальные вирусы и геномодифицированные микроорганизмы. Потом с помощью других вирусов раскрытый для считывания код заносили в яйцеклетку на стадии оплодотворения. Эксперименты с разными участками кода делали сразу в серии на сотнях эмбрионов – не было времени на последовательные эксперименты. Но все они провалились. Либо плод был нежизнеспособен, либо получалось нечто такое, о чем лучше умолчать. Страшное было время. Было лишь одно исключение – симпанты.

Какой из предков человека соответствовал их генетическому коду, мы не знаем. Возможно, его и не было, а произошло неожиданное смешение кода некоего далекого предка и человека современного. Так или иначе, но симпанты отвечали всем необходимым требованиям: они росли быстро, были сильны, живучи, имели великолепную реакцию, обладали разумом, были обучаемы. И надежно контролировались человеком. Внешний вид, в котором одновременно сочетаются черты человека и некоторые признаки современной мыши или крысы – нос, уши, строение пальцев, мех и так далее, никого в то время не волновал. Первые симпанты вступили в бой со свободными нациями уже в завершающей стадии войны – когда в руках императора оставался лишь осаждаемый Диастар и пара городов за ним. В бою они проявили себя великолепно, но, естественно, уже ничего не могли изменить на фронте. Дальнейшее известно. Империя применила Разрушитель, и свободные нации были вынуждены заключить мир, чтобы не погибнуть вместе с империей. А симпанты остались. – Максимов сделал небольшую паузу. – Вопросы есть?

Илья ненадолго задумался и все же спросил, заинтересованный рассказом:

– А как насчет других предков человека? После войны была масса времени изучить генетический код?

– Нет, – просто ответил офицер. – Продолжения проект не получил. Сразу после окончания войны в результате нелепых случайностей не стало сразу четырех ведущих ученых проекта. Сначала один, перебрав с алкоголем, утонул в гостиничном бассейне, потом другого случайно сбил грузовик во время велосипедной прогулки. Еще через месяц профессор Лоринский на восьмом десятке лет умер от инфаркта, а его коллега, доктор Немцин, заядлый грибник и охотник, отравился грибами. Удивительное невезение, просто злой рок. Словно сама судьба была против проекта. Исследовательские работы по активации «закрытого» генома остановились. А затем и вовсе были свернуты по распоряжению императора. Встал вопрос, что же делать с симпантами. Гражданские советники императора хотели закрыть программу окончательно. По их мнению, оставшиеся в живых после войны симпанты пусть доживают до естественной смерти, а лабораторию и биотехнологический цех по их выращиванию следует ликвидировать. Военные были против. Отношение к симпантам у генералитета было самое благожелательное. И, надо сказать, вполне заслуженно.

В критический момент обороны Диастара, когда «львы свободы», отборный спецназ свободных наций вместе со скрытно переброшенными 3-й горной и 15-й егерской дивизиями, пошли на штурм перевала надежды, им противостояли только пятнадцатилетние мальчишки из ополчения. Наше командование не угадало с направлением главного удара противника, бывает. Мальчишек «львы» перебили за пару часов, перевал был практически вскрыт. Единственным подразделением, которое можно было быстро перебросить в горы, чтобы удержать перевал до прихода подкреплений, был первый укомплектованный симпантами батальон. – Максимов сделал небольшую паузу, собираясь с мыслями.

– Кстати, термин «черные крысы» появился после того боя, – продолжил он чуть погодя. – Так вот, «крысы» не просто удержали перевал. Они сумели скрытно подобраться к втянувшимся в ущелье «львам» и взять их тихо, в ножи. Спецназ свободных наций в рукопашной схватке перерезали, как хорек курей в курятнике. А потом остатки батальона сорок часов держались против двух дивизий, пока с других участков фронта перебрасывали подкрепления. В живых их после боя осталось полтора десятка, но дело они сделали. Как после такого успеха закрывать столь многообещающую программу? Военные были категорически против.

Поэтому сошлись на промежуточном варианте. Исследовательские работы по исследованию человеческого генома закрывают. Но технологию создания симпантов и необходимые для этого промышленные мощности оставляют для нужд императорских личных дивизий. Оставляют в строго лимитированном количестве. Тем более что симпанты необходимы в самых разных областях. В космических программах востребована их невероятная живучесть, не прошибаемый никакой заразой иммунитет, отличные физические характеристики – это готовые первопроходцы на чужих планетах. Военным они интересны как спецназ и диверсионные группы. У внутренних войск и пограничников тоже есть на них свои виды. Так что выпускники нашего факультета Д-21 очень востребованы, Илья. Если ты хочешь сделать карьеру, заработать много денег, получить не просто звание «сына императора», но и выслужить титул, прожить, в конце концов, нескучную жизнь – тебе к нам. Если же хочешь разменять свою единственную жизнь на ряд пустых серых будней, тянущихся до старости и смерти – тогда можешь отправляться домой. Как я говорил, на другие факультеты ИЛУ ты по результатам экзаменов поступить не сможешь.

– Я все понимаю, – согласился со старшим центурионом Илья. – Только вот вы упоминали о каких-то сложностях? Да и люди говорят о хозяевах симпантов самые разные вещи.

– Да, – согласился с ним Максимов. – Я буду откровенен с тобой, насколько это возможно. То, что не каждый может наладить диалог с симпантом, уже понятно. Иначе я бы

перед тобой тут не распинаясь, желающих и так пруд пруди. Дело в том, что симпант не может развиваться как разумное существо сам по себе, вне некоего ментального симбиоза с человеком. Собственно, отсюда пошло само слово симпант – от слова симпатия. К новорожденным симпантам подходит предварительно подготовленный человек со способностями к контакту. Дальнейшее можно было бы назвать импринтингом, но процесс сложнее. Открыв глаза и увидев человека, новорожденный симпант принимает его за... не знаю, трудно подобрать аналогию. Не за хозяина. За отца, покровителя, друга – наверное, все вместе. Но этот процесс обоюдный. Человек в этот момент тоже как бы приносит клятву на верность симпанту. Это происходит само собой, но процесс всегда взаимен. Если контакт получился, то симпант никогда не оставит своего хозяина. Но и хозяин привязывается к симпанту. Они становятся в некоем роде симбионтами. Ни с кем другим симпант уже не сможет быть в таких отношениях. Если человек умрет, его симпант переживет его ненадолго. Переживет ли человек потерю симпанта – скорее всего да, но это зависит от характера. Не все могут. В любом случае такого горя я врагу не пожелаю.

Отсюда и проблемы, Илья. Ты уже не сможешь быть один, как раньше. Ты, конечно, можешь жениться, но скажу прямо, трудно найти девушку, которая согласится делить тебя и вашу любовь с симпантами. А иначе не получится. Кроме того, симпанты всегда устанавливают контакты только с человеком другого пола. Такая вот ирония судьбы. У мужчин симпанты всегда женского пола, у женщин – мужского, что тоже осложняет отношения. Однако не это главное. Между вами устанавливается эмпатический контакт. Мыслей вы со своими симпантами друг у друга читать не сможете. Но когда тебе будет плохо – им тоже будет плохо. И наоборот. Вы будете друг друга чувствовать. И это, скажу я тебе, тоже вносит в жизнь свои коррективы. Я не могу сказать, хорошо это или плохо, это просто по-другому. Жизнь уже никогда не будет прежней. Ты не сможешь просто напиться, твои ощущения станут понятны симпантам. Извини за интимную подробность, но твой оргазм они тоже почувствуют. Все это не буквально, как происходящее лично с ними, но на эмоциональном уровне – безусловно. А ты, в свою очередь будешь схожим образом ощущать их. Есть и еще нюансы, но об этом я тебе рассказать не могу до тех пор, пока ты не решил поступать на наш факультет. Главное ты понял, решать тебе.

– А если не вступать в контакт с симпантом?

– То он вырастет обыкновенным животным с интеллектом обезьяны. Я не знаю, почему так, никто не знает. Для того чтобы пробудить разум, симпанту нужен симбионт – контакт с человеком. У ученых нет этому внятных научных объяснений. Верующие говорят о загадке творения и о человеческой душе. Вроде как эволюция штука доказанная, но душу человеку дал в дар сам Господь на каком-то ее этапе, сделав его разумным своим волевым актом. Древний предок человека этой душой не обладает, получеловек – обладает душой не в полном объеме, и восполнить недостаток может только от человека, приобретая после этого способность к разуму. Но все это лишь религиозная теория. Меня интересует твое решение. Да или нет, Илья?

Илья чувствовал себя юной мамашей, готовящейся к радостям скорого материнства. Очень уж обстановка к этому располагала. Просторная чистая светлая комната, две пластиковые кровати-люльки рядом с его кроватью, куча каких-то детских тряпок в отдельном шкафчике, в назначении которых еще предстоит разбираться. Хитрый агрегат для подогрева молочной смеси, холодильник с молоком, мясными кашками и йогуртами, погремушки. Ощущения были предельно идиотские – не каждому удастся сразу стать многодетным родителем, будучи неженатым девственником шестнадцати лет от роду. Шизофреники к ситуации добавляли военный антураж: Илья теперь вставал по сигналу подъема, носил синий форменный комбинезон с курсантскими «птичками» в петлицах, ходил на построения и занимался

строевой подготовкой. «Строевая» шла аккуратно после занятий по кормлению грудничков и перед физподготовкой, заканчивающей дообеденный распорядок дня. После обеда шли общеобразовательные предметы, обязательные для будущего сына императора: военная и общая история, психология, юридические и общественные основы империи, оружейное дело. Специальные предметы обещали давать позже, после инициации с симпантами и присяги.

По сравнению с обычными курсантами жизнь на факультете Д-21 была почти что райская. Отдельная комната каждому и спокойный график занятий, вместо общей казармы на сто человек и выматывающего все силы курса молодого бойца, могли бы послужить предметом зависти. Да вот только никто не завидовал, скорее уж при редких пересечениях в коридорах ИЛУ, где проходила часть лекций, остальные курсанты старались держаться от «крысаков» подальше. Да и сам Илья понимал, что все не так просто, а предоставленные им блага выделены не от щедрот начальства, а по необходимости и расчету.

– Новорожденные симпанты не должны быть надолго отлучены от своих хозяев. Иначе у них будут дефекты в развитии, – говорил на лекции Максимов молодому пополнению факультета Д-21. – Это не собаки, их в клетке не закроешь. Привыкайте, вам с ними жить.

– Выгуливать, подгузники менять, – тихо прошептала себе под нос Маша, сидящая в аудитории рядом с Ильей. – Какого хрена я согласилась? Можно было сразу в детский сад нянечкой устроиться, без этой маеты.

– Вы что-то сказали насчет подгузников? – каким-то образом старший центурион, стоящий у кафедры метрах в десяти от них, ухитрился расслышать Машин шепот. – Курсант Леднева, встать!

Смущенная Маша тут же выпрямилась во весь рост. Мешкать не следовало – полсекунды промедления могли стоить лишнего наряда по кухне или местам общего пользования. Это в лучшем случае. А то с Максимова станется и послать в полночь провинившегося курсанта с тряпочкой протирать все бюсты на Аллее Героев или еще чего-нибудь в этом духе. Фантазия у него богатая.

– И подгузники в том числе, курсант Леднева. Если не нравится – можете написать заявление, и уже завтра вы будете дома, а послезавтра работать нянечкой. Листок бумаги и ручку дать?

– Никак нет, господин старший центурион!

– Хорошо. Кто сегодня дежурный по санблоку?

– Курсант Анечкин, господин старший центурион, – вскочив с места распрямленной пружиной, молодецкато гаркнул Илья.

– Уступите дежурство даме. Ей надо поднабрать практики.

– Есть!

– Можете садиться. Оба. Но на вопрос, хотя бы и не заданный по форме, я отвечу. Симпанты растут быстро, гораздо быстрее человека. Младенческий возраст займет у них месяца полтора. Кроме того, это не будет для вас такой уж проблемой. Не буду объяснять, почему, сами все поймете. Кстати, Анечкин и Леднева – вы будете первыми, ваш контакт с симпантами и присяга через три дня. Остальные – в течение двух недель. Готовьтесь.

Сердце у Ильи екнуло. Три дня. После возврат к нормальной жизни будет невозможен. Курсант оглядел аудиторию, ловя на себе взгляды своих товарищей по факультету. Всего восемь человек – три девушки и пять парней. Одна из них – Маша, та самая синеглазая брюнетка, с которой он познакомился еще в автобусе. Она, по ее собственным словам, так и не смогла толком собраться на экзамене. Так или иначе, двойной Z-пик на мнемограмме привел ее в факультет Д-21. Несолоно хлебавши возвращаться домой Маша не собиралась ни при каких обстоятельствах. Что-то там у нее было в семейных отношениях, что заставило девушку принять предложение Максимова без раздумий.

Алексей, кстати, поступил. Причем на престижнейший космический факультет. Вот уж кому повезло так повезло. Особенно учитывая, что из всей их группы абитуриентов в стенах ИЛУ, кроме Ильи и Маши, осталось лишь два человека.

В последнюю ночь перед инициацией Илья спал плохо. В голову лезли всякие дурацкие мысли, настроение было хуже некуда. Парню было немного страшно, кроме того, было сильное внутреннее ощущение, что он потерял контроль над своей жизнью и скоро случится нечто очень нехорошее. Привычные соображения о будущей карьере, звании «сын императора», возможность принадлежать к элите как-то не утешали. Но и встать, написать заявление и покинуть Диастар он почему-то не мог. А завтра будет поздно, контакт свершится. Как им доходчиво объяснил Максимов, симпантов с хозяином просто так в покое не оставят, они все наперечет. Именно поэтому присяга императору идет сразу после инициации, а не через год обучения как у остальных курсантов. Всю ночь Илья думал, ворочался и уснул лишь за час до подъема. Поднялся совершенно разбитый, с одной мыслью: «что будет, то будет, лишь бы скорее».

Ранним утром вид у Маши был так себе – бледная, с припухшими глазами, настроение подавленное. Последняя ночь и для нее не прошла бесследно. Зато Максимов сиял широкой улыбкой.

– Вперед, орлы, нам сегодня предстоят великие дела! – весело сказал центурион, велел им следовать за собой после утреннего построения.

Курсанты прошли за офицером через плац, миновали столовую, учебный корпус и вышли за территорию факультета. Не так уж много он и места занимал: с десятков небольших домов за высоким зеленым забором в полукилометре от главного здания ИЛУ. Каждый курс факультета имел свои отдельные казармы и основную учебную базу, так, чтобы новички со старожилами не смешивались.

Рядом с забором на лужайке стоял небольшой аэробот. А около него Илья впервые столкнулся с симпантами нос к носу.

Без сомнения, это были личные симпанты Максимова – Книсс и Шеоле. Однако раньше Максимов вместе со своими симпантами на территории факультета не появлялся. Вживую они произвели на него странное впечатление. Высокие, фигуры по-женски плавные, с узкой талией и широкими бедрами, ноги длинные, сильные на вид. Но вот грудь почти плоская, плечи широкие, руки тоже не сказать, что тонкие, с большими ладонями, заканчивающимися длинными, длиннее ладони, пальцами без ногтей. Открытые части тела покрыты коротким, в пару сантиметров, белым мехом. Но главное – голова. Непонятное впечатление она производила – вроде человеческая, а вроде и нет. Уши острые, длинные, розовые, шерсти на голове и лице нет, зато присутствуют собранные в практичный хвост рыжие волосы, нос плоский и совершенно не человеческий, глаза слегка раскосые, рот тонкий, практически безгубый. Вроде лицо и человеческое и нет одновременно. Одеты в черные комбинезоны со множеством карманов. В каждой петлице – три серебристых треугольника, на ногах – высокие кожаные берцы на толстой подошве и с плотной шнуровкой. На широком кожаном поясе у каждой кобура и ножны.

Долго рассматривать симпантов Максимов им не дал.

– Живо в машину, – приказал он. – Книсс – бери штурвал. Летим в лабораторию.

Как только дверь салона захлопнулась, симпант резко форсировала двигатели. Откатная силовая волна от двигателей Бейла ударила вниз, вздымая пыль и пригибая траву к самой земле, тонко загудел генератор л-поля, и аэробот быстро пошел вверх, прижимая пассажиров к спинкам кресел.

В маленькие боковые иллюминаторы ничего не было видно – пилот включила режим затемнения. Какие-то крохи удавалось разглядеть впереди, через овальное окно в дверце, отделяющей от грузопассажирского отделения тесную пилотскую кабину. Илья видел кол-

дующую над приборами Книсс, сидящего рядом с ней Максимова и кусочек земли через остекление кабины, благо оно у пилотов было почти сплошным. Аэробот набрал высоту и летел в горы. Точнее ничего сказать было нельзя.

Весь полет продлился от силы четверть часа. Вскоре машина пошла вниз, замедлилась и аккуратно села на ровную каменную площадку.

– Живее, живее, нас ждут, – поторапливал курсантов старший центурион. – Инициация должна начаться вовремя.

Илья увидел впереди несколько невысоких, обшарпанного вида металлических ангаров, накрытых сверху маскировочной сетью, узкую дорогу, резко заворачивающую налево и скрывавшуюся за отвесными скалами. Сразу за площадкой, на которой стоял аэробот, был обрыв. Вокруг гордо поднимались вверх снежные шапки вершин Аттлинских гор.

– Вот сюда, – Максимов показал на узкую дверь в первый ангар. – Книсс, Шеоле – останьтесь и подготовьтесь к нашему возвращению.

Три человека вошли внутрь и оказались в маленьком тамбуре, оставив симпантов рядом с аэроботом. Дверь за ними закрылась автоматически, а сверху послышался голос:

– Цель визита?

– Инициация курсантов по Д-21, – ответил Максимов.

– Групповой пропуск приложить к центральной стойке. Левую руку прижать к гнезду сканера, смотреть прямо перед собой.

– Да знаю я порядок, Михалыч, – передернув плечами, сказал старший центурион невидимому собеседнику. – Анечкин, Леднева, делай, как я. – Максимов приложил ладонь к подсвеченной зеленым ячейке и замер. Ярко-голубой луч света оббежал его фигуру, дольше всего задержавшись на лице. Дождавшись звукового сигнала, офицер уступил место у сканера стоящим вслед за ним курсантам. Процедура повторилась.

– Вы вовремя, – сразу за распахнувшейся массивной металлической дверью стоял невысокий толстенький человек в очках и белом халате. – Раскрытие капсул инкубатора назначено через сорок минут.

– Уже идем.

– Стойте. – Откуда-то сбоку появился пожилой лейтенант в форме дивизии «Контроль». – Сначала оформим пропуска и подписку.

– Михалыч, я с трибуном еще вчера визит согласовал и пропуска все получил, – поморщился Максимов. – Опоздаем же.

– А мне фиолетово. Ты как маленький, Матвеич, первый раз на объекте, что ли? У тебя своя служба, а у меня своя. Давайте в темпе, сами себя не задерживайте. Пока все готово не будет, лифты не разблокирую. А то и полный наряд вызову.

– Ладно. Где там твои бумажки?

Утряска формальностей заняла еще пятнадцать минут. Затем Илья и Маша по очереди прошли в душ, после которого, оставив в специальных ячейках свою одежду, получили светло-синие стерильные пижамные комплекты и зеленоватые халаты, а также плотные эластичные бахилы, которые следовало затягивать ремешком прямо на голых ногах. И только потом вместе с экипированным подобным образом Максимовым и доктором, который представился «просто Сергеем Никифоровичем», они прошли к лифту.

– Пейте, – пока лифт ехал вниз, доктор протянул курсантам по стеклянной колбе с какой-то жидкостью. – Это поможет выйти на контакт.

– А что там? – любопытствовал Илья.

– Легкий стимулятор. Ну и немножко почти безвредной химии, которая поможет вашему мозгу раскрепоститься. Не бойтесь, все это не страшно, – ответил доктор. – Учтите, вы в родовом отделении. Ничего не касайтесь, помните про стерильность.

– Делать-то что? – прямо спросила Маша. – Нам пока никто ничего не объяснил. Сергей Никифорович укоризненно посмотрел на Максимова.

– Вы им ничего не рассказали?

– Нечего там рассказывать, – смущенно буркнул тот. – Заходите в инкубационную. Там будут несколько кругов с тремя ячейками каждый, это максимально возможное количество симпантов у одного хозяина. Вы их увидите, они напоминают капсулы в роддомах для недоношенных младенцев. Активные ячейки будут подсвечены зелеными огоньками. Илья, тыходишь в круг, где на ячейках горят две женских фигурки, ты, Леднева, в тот, где мужские. Я прослежу, чтобы вы встали правильно, каждый в центр своего круга. Убедившись, что все сделано верно, мы с доктором уходим. Затем доктор отдаст команду на открытие ячеек. Ячейки откроются. Дальше вы будете просто стоять, смотреть на своих симпантов и ничего не трогать. Собственно – все. Когда ячейки закроются, можете уходить.

– А если ничего не случится? – спросила Маша.

– Тогда и будем разговаривать. Пока не берите ничего лишнего в голову, просто делайте, как я приказал. Ясно?

– Так точно.

– Доктор, хотите что-то добавить?

– Нет. Молодые люди, вы сами все поймете. Только давайте поскорее. Младенцы уже готовы к пробуждению. Не хотелось бы затягивать.

– Сейчас начнем. Выпили? Возвращайте посуду, приехали, – сказал Максимов и первым вышел в открытые двери лифта.

Илья вошел в центр круга и замер. Все было в точности так, как говорил Максимов – три ячейки, из них две подряд горят зелеными огоньками. От ячеек к массивным приборным шкафам у стен отходят ветвящиеся провода, разные трубки, несколько экранов отслеживают какие-то параметры, рисуя странные графики и столбцы цифр. Ничего не понятно, просто стоишь как дурак и смотришь. Он-то думал...

Верхние части двух ячеек распахнулись бесшумно и почти одновременно. Внутри каждой лежит маленький... да, человечек, что там говорить. Толстенький такой голый младенец, розовый. Без всякого меха, признаки, отличающие симпанта от человека, почти не видны. Ну и что? Илья прислушался к своему состоянию, но ничего «такого» не обнаружил. Ну младенец, ну лежит. Ладно, приказали стоять и смотреть, будем стоять и смотреть.

Через пару минут Илья поймал себя на ощущении, что ему хорошо. Просто хорошо и безопасно. Почти забытое ощущение, когда он, четырехлетний пацан, прибежал ночью в спальню к маме и папе из своей комнаты, испугавшись злого черного крокодила, про которого ему читала сказку бабушка. Вот-вот он выползет из-под кровати, где прячется днем, и станет его, маленького хорошего мальчика Илюшу, кусать. Страшно. А примостишься между родителями, прижмешься к теплоте мамкиному боку и ясно – никакой крокодил не достанет и ничего страшного уже случиться не может. Илья в очередной раз посмотрел на раскрытые ячейки. Оба младенца лежали на спине и, широко открыв глазки, смотрели прямо ему в лицо. Милые такие, домашние.

Илья вдруг почувствовал целую гамму чувств – нежность, радость, умиротворение. При этом чувства не были сильными, не носили характера эйфории или страсти. Скорее, тихое счастье и легкое наслаждение, словно у любующегося красотой природы эстета или меломана, слушающего любимую классическую симфонию, но только усиленное в пару раз. Просто приятно, спокойно, хорошо – все в превосходной степени. И да, какие же все-таки симпатичные дети перед ним...

Ячейки закрылись внезапно. Илья постоял еще с минуту как замороженный и лишь потом встряхнул головой, сбрасывая наваждение. Что с ним было? Какие-то оттенки испы-

танных чувств оставались, но стремительно блекли, уступая место реальности. Вот он, вот ячейки. Это что, и был контакт? Похоже, был. Но не так себе все это Илья представлял...

– Все, ребята, инициация завершена. Поздравляю. – Из открывшейся сзади двери вышел Максимов. Голос его был мягким, без прежних командных ноток. – Пойдем, отдохнем полчасика и пора домой.

Илья развернулся и вышел из круга. Оглянулся. Со своего места к Максиму медленно шла Маша с отсутствующим взглядом и застывшей на лице мечтательной полуулыбкой. Илья ее понимал, он сам продолжал себя чувствовать немного странно, хотя это состояние быстро проходило. Почему-то Илье было немного стыдно и в то же время удивительно хорошо на душе.

– Дома поспите, занятий для вас на сегодня не будет, – продолжал Максимов. – Приготовьте люльки и молочную смесь, как вас учили. Ваших симпантов привезут к вечеру. Подумайте, как их назвать, это важно. Не забудьте – завтра присяга.

По дороге из лаборатории и в аэроботе курсанты не разговаривали. Максимов понимающе улыбался и тоже обходился без слов. Словно произошло что-то, что связало их всех одной нитью, но о чем говорить не принято.

Уже вечером Илья с удивлением смотрел на два розовых тельца в пеленках. Вот они, оба его симпантика, спят каждый в своей люльке на впитывающих подстилках. Испытанные в «родильном зале» чувства не вернулись. Перспектива быть теперь для них папашей вызывала оторопь. Парень смотрел телевизор, держа в руках дежурную бутылочку с теплым молоком, и размышлял о своей погубленной навеки жизни. Временами каждая из девочек начинала плакать, и тогда Илья неловко кормил ее через соску. Младенец наедался и засыпал. День прошел относительно спокойно.

Хуже всего пришлось ночью. Одна из малышек начала плакать. Соску она выплевывала, есть не хотела. Надрывный детский крик раздражал, Илья начинал со злостью тыкать бутылочкой в рот девочке. Что угодно, лишь бы она заткнулась! Словно почувствовав его злобу, проснулась и заплакала вторая девочка. Илья чувствовал себя так, что впору самому все бросить и заорать вместе с маленькими симпантами.

«Стоп, – сказал ему внутренний голос. – Должен быть выход. Максимов говорил, что все не так сложно». Илья сел на стул и постарался успокоиться, не смотря на крики. В конце концов, они же его симпанты, у них должен быть контакт на ментальном уровне. Он злится, и симпанты злятся. А если наоборот? Илья постарался расслабиться и перестать злиться. Вдруг это поможет?

Эксперимент привел к странным результатам. Одна из малышек быстро затихла. А еще Илья понял, что ему страшно и что у него болит животик. То есть не у него... у него-то все нормально. Это у его симпантки болит животик и ей страшно.

«Тише, милая – постарался излучать вовне уверенность и нежность Илья. – Все хорошо, папа здесь. Сейчас он даст вам вкусного молочка и сладких капелек от вздутия животика, и все пройдет. Не надо кричать, родные».

Малышки прекратили крик как по команде, лишь та, у которой болел животик, немножко постанывала. Но после приема капель она тоже успокоилась и заснула. С радостью лег, наконец, спать и Илья. Он понял – с малышками он справится. Все действительно не так сложно, как кажется.

Присяга Илье особо не запомнилась, оставив в памяти лишь отдельные моменты. Вывели их с Машей на плац, вручили по начищенному до блеска церемониальному автомату времен Великой войны (вы с ним поаккуратнее, еще штыком порежетесь), дали обитые искусственной кожей корочки с написанным золотыми буквам текстом присяги на внутрен-

ней стороне. Илья прочитал три коротких абзаца, опустился на колени и аккуратно поцеловал черно-синее знамя, неловко поддерживая норовивший соскользнуть с плеча оружейный ремень.

– Вверяю себя воле Императора! Слава Духу Империи, Императору и Народу! – как мог торжественно закончил Илья и неспешно поднялся во весь рост. Вставал он на колени курсантом ИЛУ Илюшей Анечкиным, а поднялся сыном императора. Как говорится – почувствуйте разницу.

Рядом перед строем курсантов стоял Максимов, вместе со штатным делопроизводителем факультета, который снимал всю процедуру на трехмерную видеокамеру. Теперь микрочип с файлом будет навсегда приложен к его личному делу. Серьезный это шаг в жизни – присяга на верность императору. С этого момента Илья уже не гражданин империи, а сын императора. А отношения отца с сыном – они сложными бывают. Отец сына всегда выручит, но и спросит не формально, а по-семейному. Скажем, напился и подрался гражданин империи в ресторане. Что ему за это будет? Да пустяки – милиция, суд, штраф, максимум – десять суток ареста. А если это сделает сын или дочь императора после принятия присяги? Народная милиция в этом случае пальцем не пошевелит – не по чину. Гражданский суд тоже лишь разведет руками – гуляй, ты нам неподсуден. Император из своих личных средств немедленно покроет материальный и моральный ущерб.

А к неразумному ребенку императора вместо строгих милиционеров придут одетые в черные комбинезоны улыбающиеся «вразумляющие братья» из внутреннего контроля и спросят ласково: «Что же ты наделал, родной? Ты своим непотребным поведением не себя – отца твоего оскорбил. Всех нас оскорбил, братьев твоих названных. Над любовью отца-императора к тебе, недостойному, посмеялся. Кайся, брат, и готовься к заслуженной епитимии». Соберут Тройку Семейного Трибунала и влепят епитимию, да такую, что мало не покажется. Вплоть до пожизненного покаяния в подземной камере-одиночке, предусмотренного за особо тяжкие провинности. К которым для «сыновей» и «дочерей» относятся не только тяжелые по меркам гражданского УК статьи вроде убийства, но и «воровство в крупных размерах», и «неспровоцированное насилие над заведомо слабым и невинным», и вообще любой «вопиющий урон чести». Кому много дадено, с того много и спросится. И такие строгости в мирное время. Если же сын императора дрогнет в бою или предаст товарищей, то лучше бы ему на свет не рождаться. Впрочем, о таких случаях Илья не слышал. Может, их и вовсе не было, а может, их не стали делать достоянием общественности. Кто знает точно? Так, только слухи всякие нехорошие среди курсантов ходят...

После присяги был торжественный обед. От обычного он отличался лишь тем, что им с Машей по традиции налили по сто граммов «вересковой слезы», а на десерт свежее испеченным детям императора был подан торт, которым они, отрезав первыми по большому куску, поделились с остальными курсантами. Это был первый в череде подобных обедов – за предстоящие два недели всему пополнению факультета предстояло получить своих симпантов и пройти через присягу.

Затем курсантам отводилось полчаса личного времени, которое прошедшим инициацию настоятельно рекомендовалось потратить на посещение своих симпантов, и начинался вечерний блок занятий.

Илья не успел оглянуться, как прошли две недели. Каждый день был заполнен до предела. Симпанты почти не доставляли проблем и росли с потрясающей скоростью. Через две недели после рождения они уже садились в своих кроватках и всю «агукали», пытаясь общаться с Ильей и друг с другом. Получалось пока не очень, но прогресс день ото дня был просто разительный. Уже начали проявляться индивидуальные черты характера: самой активной была маленькая хулиганка, названная Карри (банку с именно этой приправой Илья

уронил себе в суп, когда она внезапно громко заорала за спиной). Причем сделала это из самых хулиганских, на взгляд курсанта, побуждений. Очень уж ощущалась по-детски непосредственная волна радости от того, что «папка» вздрогнул всем телом и упустил банку. Малышка Лода была более рассудительной и спокойной и, похоже, от рождения намеревалась стать «настоящей леди» – аккуратная, даже немного манерная (вообще-то младенца трудно назвать «манерным», но Лода ухитрилась проявить это свойство характера уже на первом месяце жизни) и просто обожающая чужое внимание.

Илья не знал, можно ли его чувство к малышам назвать любовью или нет, но что он ими не тяготился, так это точно. Большая часть его страхов оказалась ерундой. Не так уж сложно поменять памперсы, покормить малышей или прогуляться с ними перед сном. Тем паче что все восемь новобранцев делали то же самое. Вечерний променад, ага. Восемь человек в военной форме ходят со сдвоенными и строеными детскими колясками по плацу – просто мечта пацифиста! Проблем с детским плачем или криками было мало – он и его симпанты чувствовали друг друга. Илья всегда понимал причину плача и мог успокоить малышку.

А еще ему начинало нравиться проводить с ними время. Выполняя рекомендации психологов с факультета, он вечерами подолгу разговаривал со своими симпантами перед сном. И как же они его слушали! Ведь не понимали ни слова, но лежали тихо, наострив свои острые ушки и блестя любопытными глазенками. Илью никто никогда так не слушал. Причем неважно, о чем именно он говорил – рассказывал ли сказку про колобка или разглагольствовал о судьбах мира, но среди своих маленьких слушателей он всегда пользовался неизменным успехом. А еще Илья ощущал искреннюю детскую радость, когда приходил с занятий, и это было тоже очень приятно, что там говорить. Кроме него с симпантами занимались и штатные психологи, но Илью или любого другого «папку» или «мамку» они заменить не могли. Уже через семь-восемь часов после отсутствия хозяина малыши начинали проявлять признаки беспокойства, и если не дать им увидеть «папку» в течение ближайшего времени, они могли впасть в настоящую истерику.

Кроме забот с малышами, немало времени отнимали занятия. Курсантам подтягивали физическую форму, но пока без излишнего рвения.

– Успеете еще, – говорил Максимов. – Через несколько месяцев ваши детки встанут в строй, тогда набегаетесь и напрыгаетесь. А все одно за ними успевать не будете.

Однако нормативы уже сейчас были довольно жесткими. Бег на сто метров – тридцать секунд, бег на тысячу – три минуты, подтягивание – как минимум пятнадцать раз, остальные спортивные дисциплины тоже предполагали немалые нагрузки. К тем, кто в них не укладывался, отнеслись довольно лояльно, но предупредили, что не сдавшие норматив через три месяца лишатся половины стипендии и увольнительных. Если же с этим будут проблемы и дальше – лишатся всей стипендии и попадут в лист «нерекомендованных к первоочередному карьерному продвижению», что неизбежно скажется на распределении и карьере. Спортзал и беговые дорожки открыты круглосуточно, личное время у всех есть – короче, каждый кузнец своего счастья.

– Дети императора не могут быть толстыми и неспортивными, – объяснял им центурион Тронин, начальник кафедры общей и специальной физической подготовки. – Вы – элита, на вас люди смотрят. По вам они судят о властях и об императоре. Вы можете быть жесткими, надменными, страшными. Или наоборот добрыми и отзывчивыми. И то и другое при общении с людьми может оказаться необходимым в зависимости от поставленных его величеством задач. Но вы не имеете права своим видом дать людям повод вас презирать. Человек же из элиты с жирной задницей и оплывшей мордой, рождает именно это чувство. Мы должны быть для народа идеалом, образцом для подражания. Так что хотите занять в империи достойное место – работайте над собой. Учитывая, что вы командиры симпантов и

вам предстоит курс спецподготовки – начинайте прямо сейчас. Ваше тело, как ваша парадная форма, всегда должно выглядеть достойно.

– Разрешите обратиться? – Подняв руку и дождавшись одобрительного кивка центуриона, спросил Дима Ватин, один из товарищей Ильи по группе и «отец» аж трех малышей. Физические упражнения давались ему, пожалуй, тяжелее других, особенно бег. Такой уж он был от природы – коренастый, низкорослый, с широкой костью, парень хорошо выполнял силовые упражнения, но быстро бегать не мог. – Господин центурион, но это же самый примитивный взгляд на проблему, – убежденно заговорил курсант. – Человек должен внушать уважение своим умом и личными качествами прежде всего. Допустим, кто-то гениальный ученый или управленец экстра-класса. И что, ему следует измерять свою пригодность империи, замеряя портновским метром толщину, своей, простите, жопы, чтобы случайно кто-то из народа о нем плохо не подумал? Это в наш технологический век?

– Вопрос понятен. Отвечаю по существу, – серьезно ответил Тронин. – У этой проблемы два аспекта. Первый – люди, которые случайно увидят такого «сына императора» на улице или в сети, скорее всего, не будут осведомлены о его выдающемся уме или управленческих качествах. Более того, им это будет глубоко безразлично. Зато его толстая задница будет кричать о том, что ее хозяин не способен предпринять даже минимальных усилий по поддержанию своего тела в порядке, одними фактом своего присутствия. И второй – какой же это может быть первоклассный ученый или чиновник, если у него недостает силы воли, ума, настойчивости в достижении цели? А, между прочим, запущенный вид говорит именно о недостатке этих качеств. Для детей императора подобное недопустимо, они не какие-нибудь там гражданские, с которых и спрос невелик. Безусловно, в жизни бывают разные случаи, а в правилах бывают исключения, – немного помолчав, продолжил центурион. – В том числе и относительно внешнего вида. Но я вас уверяю, курсант Ватин, что вы лично к ним не относитесь. Больше занимайтесь, и вы сдадите все нормативы. От вас не требуют ничего выдающегося. Еще вопросы есть?

– Никак нет, господин центурион. – По Диминому лицу было понятно, что с Трониным он категорически не согласен, но спорить дальше курсант поостерегся. Да и смысла в этом особого не было. Все равно не переспоришь, а вот на наряд вне очереди нарваться можно было с легкостью.

Особенно интересными были для Ильи лекции по ксенологии. Ту информацию, которую он получал здесь, в школе не давали. Да и в гражданских вузах, видимо, тоже. Вообще, все связанное с дальним космосом, рассказывалось лишь в самых общих чертах, а космическая программа была выведена из зоны ответственности гражданских властей и целиком подчинена императору. Илья, как и остальные граждане империи, знал, что пригодных для колонизации планет в их родной звездной системе нет. Знал, что межзвездные космические перелеты сами по себе для людей невозможны. Тем не менее в космосе существуют некие силы или существа не вполне понятной современной науке природы, которые могут перемещаться между звезд и способные помочь в этом человеческим космическим кораблям. С одним из таких существ, называемым также «Духом Империи», империя сотрудничала уже пару столетий, с самого начала своей технологической эпохи. Благодаря этому сотрудничеству были осуществлены межзвездные путешествия и даже установлены контакты с иными расами. Вот и все, что империя разрешала твердо знать своим гражданам. Все остальное было скрыто пеленой секретности и множеством противоречивых слухов. На самом деле космическая программа была одной из самых конфликтных точек соприкосновения императора и гражданской администрации. Деньги из экономики страны она высасывала просто огромные, а никакой ощутимой отдачи не было видно. Но закрыть ее гражданские чиновники не могли. Во-первых, с императором и его структурами не поспоришь, если им надо –

они возмут. Во-вторых, время от времени словно из ниоткуда возникали меняющие жизнь новейшие технологии, вроде генераторов Бейла, л-поля или зеркала Дэвиса, закрывшие в Империи проблему с получением больших количеств безопасной и экологически чистой энергии. Ученым, адаптировавшим эти новые технологии и строившим по ним первые материальные объекты, было понятно – это взято откуда-то вне пределов человечества. Понять, как технология работает, и сделать по аналогии что-то свое для людей было возможным. Но при этом было очевидно, что разработчик этих технологий явно руководствовался не человеческой научной и инженерной логикой. Да, в общем-то, передававшие гражданским ученым опытные экземпляры устройств и описания технологий «дети императора» особенно и не скрывали – «это оттуда». Но на вопросы о том, как и от кого они это получили, неизменно следовало молчание.

Став же «сыном императора» и принеся присягу, Илья, после самых строжайших подписок о секретности, получил возможность узнать о космической программе Империи чуть больше. И новая информация была для парня захватывающе интересной.

– Во вселенной есть множество форм жизни, – воодушевленно рассказывал на самом первом, вводном занятии приглашенный с космического факультета ИЛУ лектор, пожилой седовласый трибун в старомодных очках с линзами. – Белковая жизнь лишь одна из них, далеко не самая многочисленная. Есть также формы жизни, базирующиеся на кремнийорганических соединениях, есть живые существа в виде сложных газовых коацерватов, живущие в условиях чудовищного давления в атмосфере газовых гигантов. Но гораздо разнообразнее во вселенной жизнь, воплощенная не в материальных телах-носителях, а основанная на разнообразных волновых взаимодействиях и сложных энергетических структурах. Мы даже не все из них можем обнаружить. В основном это связано с тем, что данные формы жизни существуют в других измерениях, нежели объекты в привычной для нас материальной части вселенной. Мы просто не можем увидеть их во всей полноте, а в лучшем случае способны наблюдать лишь проекции их деятельности в наших четырех измерениях. – Лектор обвел долгим взглядом своих восьмерых слушателей, словно спрашивая: «все ли понятно»? Удовлетворенный внимательными лицами курсантов, он продолжил дальше.

– По последним научным данным, во вселенной от десяти до четырнадцати измерений, но не исключено, что их больше. Однако исследования не принадлежащих к нашим измерениям форм жизни носят лишь отвлеченный, чисто академический характер. Хотя они и живут в одной с нами вселенной в самом широком смысле этого слова, но обычно никак не пересекаются с людьми, малодоступны для изучения и не представляют практического интереса. По крайней мере, так принято считать. За одним-единственным, но весьма значительным исключением. Это так называемые «космические духи». Дух – это материально-волновая дуалистическая форма жизни, обладающая собственным разумом и свободной волей, действующая в шести измерениях, включая наши четыре. Духов довольно много, во вселенной их счет идет на миллиарды. Духи привязаны к своим звездным системам, их срок жизни сравним со сроком жизни звезд, хотя может быть и значительно меньше. У одной звезды может быть один или несколько духов. А может не быть и ни одного. Например, в нашей, человеческой звездной системе есть три таких духа. Два из них живут своей жизнью, им нет до нас ровно никакого дела. А вот последний, самый молодой из них, по какой-то причине очень интересуется человечеством. Как вы все поняли, это и есть «Дух Империи». – На этом лектор сделал длинную паузу. – Есть вопросы? Задавайте прямо с места, вас немного. Мы должны разобраться сначала с этой темой, прежде чем пойдем дальше.

– Господин трибун, – спросил лектора Илья. – Дух империи и создавший нас Бог это одно и то же?

– Хороший вопрос, – улыбнулся тот в свои длинные усы цвета соли с перцем. – Ответ отрицательный. Во всяком случае, Дух Империи точно не всемогущ, не вечен, да и свою божественную природу отрицает. По его собственным словам, он такая же грешная тварь, дрожащая перед единым Творцом Вселенной, как и мы. Что самое интересное – в Бога он, как и все мы, именно верит. Он просто еще одно творение Божие, не более того. Хотя к появлению человечества он как-то причастен, но детали поведать нам не желает. Вообще богословие и космические духи – это отдельная, сложная тема. Я бы не хотел на ней сильно задерживаться.

– Почему он вообще с нами связался? – поинтересовалась Маша. – Что ему от нас надо?

– Ничего. Если говорить о его потребностях, то мы ему не нужны. Духу Империи не требуются наши ресурсы, возможности, техника, людские души или что-то иное. Мы ему просто интересны и он нас любит. Поэтому идет на контакт и помогает людям. Точнее, не всему человечеству, а только Империи. Свободные нации, как вы знаете, отвергли сотрудничество с ним. Однако прошу заметить, что все это известно лишь с его собственных «слов». Проверить их правдивость в полной мере мы не в состоянии.

– Почему они отвергли его? – заинтересованно спросил Илья, даже не замечая, что бестактно перебивает лектора.

– Потому, что хотя Дух и говорит, что ему от нас ничего не надо, но за свою помощь плату он берет. Пусть не прямо, но косвенно. Он требует обязательного развития космической программы, поддержания определенного общественно-политического строя, иногда напрямую вмешивается в процессы в обществе, требует выделения огромных средств на науку. Запрет на безграничное потребление и роскошь – это от него. Высокие требования к образованию и социальной сфере – тоже. Поддержка церкви – вообще необходимое условие сотрудничества. Да много чего еще... Свободные нации потому и свободные, что живут, как сами хотят, не желая ни принимать от Духа помощи, ни нести перед ним ответственность. А наш народ пошел на сделку. Благодаря этому мы многое получили. Но многое и потеряли. Это был наш выбор. Подробнее мы обсудим эту тему на других занятиях. Сейчас бы я хотел немного углубиться в историю.

Первые космические полеты внутри системы для развития Империи ничего не дали. Добыча и транспорт ресурсов с других планет стоят запредельно дорого, любые проекты рецикла или добычи материалов даже из самого бедного сырья обходятся дешевле, чем программы космической колонизации. Преодолеть скорость света мы не можем. Но это может сделать Дух, путешествуя через другие измерения вместе с нашими кораблями. Кроме того, Дух Империи знает координаты других звездных систем с белковой жизнью. Знает он и других космических Духов, которые поддерживают контакт с белковыми цивилизациями своих звездных систем. Таких немного, но они есть. В общем, человечество не нашло братьев по разуму. Правильнее сказать: нас познакомили. Более-менее мы знакомы с тремя десятками цивилизаций. Но обычно инопланетяне разительно отличаются от людей. Их тела, мышление, цели, пути развития, среда обитания совершенно не схожи с нашими. Людям не о чем с ними говорить. Нет общих тем, в работе над которыми мы бы могли найти общий интерес. Мы просто знаем друг о друге, на этом наши отношения и заканчиваются. Но есть и две цивилизации, которые настолько близки нам, что их можно охарактеризовать как гуманоидные, и с которыми у нас есть взаимное сотрудничество и интересы. О них бы я хотел рассказать подробнее. Это Киннеры и Рационалы. Названия, естественно, наши, на их языке они звучат по-другому.

Итак, Киннеры. Звездная система – желтый карлик, примерно в пятидесяти световых годах. Одна заселенная, она же родная планета под названием Киаль, несколько научных станций на крупных астероидах и других планетах. В общем, все, как и у нас. Цивилизация технологическая, вышла в космос около столетия назад. Вы можете посмотреть на

типичного киннера, – лектор включил видеопанель на стене. – Как вы видите, отличий практически нет. Более низкий рост и чуть меньшая физическая сила компенсируются большей энергией и подвижностью. Чемпион империи по бегу на среднюю и короткую дистанции отстанет от самого среднего киннера. Кроме того, киннеры великолепные художники и дизайнеры, хотя и уступают нам в философии и богословии. Но кардинальных отличий от нашего организма у них нет: это человеческая раса, живущая на планете с земным климатом. Самое главное отличие от нас – их техника и техническая культура вообще. Представляете себе, вышедшая в космос технологическая раса не признает сборочного конвейера! Знает, но не признает! Все их вещи от утюга до звездолета собираются в штучном экземпляре. Киннеры – перфекционисты до паранойи, они пользуются минимальным набором техники, но каждый экземпляр – произведение искусства и механизм высочайшей надежности одновременно. Если это автомобиль, то он пройдет десять миллионов километров без технического обслуживания. И никакой, даже самый мелкий подшипничек не сломается. Если это автомат, то он будет стрелять идеально ровно и кучно, даже после того как из него отстреляли полмиллиона патронов, периодически бросая в воду, грязь и песок. Если это звездолет или самолет... ну, у нас были учебные воздушные бои. Соотношение потерь один к двадцати – это еще ничего.

С другой стороны, говорить о превосходстве киннеров как технологической цивилизации в целом я бы не стал. Слишком долго и трудно они создают свои шедевры. Скажем, собрать на имперском заводском конвейере тридцать истребителей и обучить в летном училище тридцать средних пилотов стоит дешевле и выйдет быстрее, чем инженер-художникам киннеров создать по штучным деталям один-единственный уникальный самолет и вырастить в своем монастыре небесных сфер мастера-пилота. А победа в бою при соотношении один к тридцати будет за империей. Их сверхкачество стоит слишком больших усилий. Но это их путь. В настоящее время цивилизация киннеров сохраняет самые теплые отношения с империей. Мы им оказываем некоторые услуги. Ну, и они не остаются в долгу. Во время Великой войны партия оружия и военного снаряжения, сделанная по спецзаказу киннерами для имперского спецназа очень нам помогла. В общем, цивилизация киннеров, безусловно, наш союзник.

Теперь я бы хотел рассказать о другом союзнике империи. О Рационалах. Это технологическая человеческая цивилизация, населяющая планету Раад в системе одноименной желто-белой звезды F-класса. Смотрите, – трибун щелкнул переключателем видеопанели. – Обычный рационал высокий, чуть выше двух метров, сильный, с очень белой матовой кожей. На Рааде построено классическое кастовое общество. Роль высшей касты, в руках которой сосредоточена вся власть, играет военная аристократия, но есть основания думать, что за многими решениями стоят духовно-монашеские ордена, формально к верховной касте не относящиеся. Точнее сказать ничего нельзя – общество рационалов очень закрытое, с совершенно непрозрачной для чужака общественно-политической жизнью. В технике рационалы не стремятся к совершенству, как киннеры, скорее, они стараются найти оптимальный баланс между стоимостью, требованиями к изделию и сроком службы. И, надо сказать, это им удастся. Исключение составляет лишь оружие – его рационалы любят и на нем не экономят. В военном искусстве рационалы показали себя отличными стратегами, но плохими тактиками. В отличие от киннеров, которые плохо планируют долгосрочные операции, но выигрывают битвы.

– Разрешите вопрос?

– Да, конечно, – прервал свою речь трибун.

– Курсант Леднева, – представилась Маша. – Откуда это стало известно? Рационалы воевали с другими цивилизациями?

– Нет. Мы проводили и проводим совместные учебные бои. Отыгрываем имитацию сражений на полигонах, а также с помощью компьютерного моделирования и командно-штабных игр. Это дает массу интереснейшей информации для всех трех сторон.

– И как показали себя в этих виртуальных боях с инопланетянами славные имперские силы? Скажите, если не секрет.

– Вы знаете, курсант Леднева, это действительно секрет, – мило улыбаясь, ответил лектор. – Не ваш уровень допуска. Давайте я вам отвечу так – по-разному бывало. Но в основном, конечно, имперские вооруженные силы были на высоте. Я убежден, что вас такой ответ устроит.

– Хорошо, – сказала Маша. – Но у меня еще один вопрос. Вы говорили об киннерах и рационалах как о союзниках империи. Почему же тогда они не пришли к нам на помощь во время Великой войны? Ведь само существование империи было под вопросом, наша жизнь висела на волоске. Зачем вообще нужны подобные союзники, которые не помогают в беде?

– Умеете вы, барышня задавать неудобные вопросы – немного смутился лектор. – Скажу так – они нам помогли. Киннеры предоставили нам ручное оружие и индивидуальное снаряжение, рационалы поставляли стратегические материалы. Но выйти воевать вместе с нами они не могли. Видите ли, киннеры и рационалы все-таки инопланетяне. Участие инопланетных военных в нашей внутренней войне автоматически поставило бы пригласившую их сторону вне всякого закона. Это – то же самое, что пригласить вооруженного ножом прохожего с улицы для участия в семейной разборке. Этически неприемлемо.

– Когда тебя убивают, не до норм этики, – возразила Маша.

– Может, и так. Только тройственный союз киннеров, империи и рационалов изначально предполагал невмешательство во внутренние конфликты каждой из сторон. Гарантии невмешательства дали не только наши правительства. Это-то еще можно было бы как-то отыграть назад и попросить их о военной помощи, когда империя была на грани уничтожения. Но пакт о невмешательстве дали духи империи, киннеров и рационалов. Так что внутренние проблемы каждого – это только его проблемы. Союз может выступить единым фронтом лишь против внешнего врага.

– А такие случаи были? – не унималась Леднева.

– И снова вопрос вне вашей компетенции, курсант. Учитесь, делайте карьеру и узнаете, особенно если попадете в космическую программу.

– Понятно. Спасибо, господин трибун.

Через семь недель курсанты пришли в приемлемую физическую форму, а их симпанты выбрались из колыбелек, прошли за десяток дней ползунковую стадию, и уже весело бегали по комнатам своих «пап» и «мам», а также помещениям «детского центра», где с ними занимались штатные наставники. Росли и учились маленькие симпантики невероятно быстро. В лексиконе малышей уже было около сотни слов, а непоседа Карри знала и больше. Причем таких, за которые потом Илье устраивали выволочку факультетские психологи. В общем, по словам Максимова, настало время их первого полевого выхода.

– Теплая погода продержится еще от силы месяца два, – говорил старший центурион «мечей» собравшимся курсантам. – Симпанты окрепли, пора в лес. Мы их не для кабинетов растим. У малышей должны включиться инстинкты, пора им волю почувствовать, побыть, так сказать, на лоне природы. Да и вам не мешало бы проветриться.

– Не рано? Потеряются же или поранятся. Они же совсем малыши, господин старший центурион, – возразила Катя Жарова, вторая девушка в их группе. – Вилль и Кнарр у меня мальчишки послушные, но Тилль так еще совсем несмышленный...

– Самое время. Вы за них не беспокойтесь, вы за себя беспокойтесь, – твердо ответил Максимов. – У них организмы крепкие, а лес или горы для симпантов дом родной. Учить

их бесполезно, умение жить в дикой природе у симпантов, должно быть врожденное. Это мы с вами за время эволюции многое потеряли, так что приходится потом долго и мучительно навестывать, а они – другое дело. В общем, так: для начала трехдневный лесной выход. Сущий детский сад на самом деле. Вас высадят в лесу средней полосы, на дворе еще лето. Задача – за трое суток преодолеть двадцать пять километров от точки высадки до точки встречи по индивидуальному маршруту. Выдадим приборы спутниковой навигации, три пайка на каждого, спальные мешки, котелки, спички, нож и пистолет с двумя обоймами. Пустяки, легкая прогулка. Ваша задача не столько в том, чтобы непременно дойти, сколько в том, чтобы следить за малышами. Собирайте съедобные грибы, ягоды, получится пристрелить какую-нибудь птицу или кролика – тем лучше. Устройте детям праздник, пусть они полюбят лес. Да и сами немного постарайтесь проникнуться. Тем, кто сможет добыть пищу и воду в лесу и принесет пайки целыми, а также первому, кто появится на точке сбора будет бонус – лишние сутки увольнительной. Задача ясна?

– Так точно, господин старший центурион! – единогласно выкрикнули восемь курсантских глоток.

– Вот и отлично. Тогда вылет завтра в шесть утра. Снаряжение получить на складе и проверить сегодня после четырнадцати ноль ноль. Свободны.

Настроение у Ильи было просто замечательным. Небо было безоблачным, воздух теплым, вокруг расстился знакомый с детства лес. По правде сказать, Илья твердо надеялся стать первым и выиграть главный приз. Для этого были все основания. Лесов вокруг Арнинска было немало, и Илья не раз ходил туда с отцом на рыбалку или за грибами, в том числе с ночевкой. Август – месяц хороший, в лесу полно грибов, есть первые орехи. С дичью, конечно, как повезет, с пистолетом особенно не поохотишься. Птичьи яйца тоже, насколько Илье было известно, искать бесполезно. Но обойтись без пайков трое суток вполне реально. Тем более что у Ильи была припрятана хорошая краюха хлеба, помимо официальных пайков, трогать которые он не собирался до последнего.

Но вышло все даже лучше, чем он думал. Когда аэробот, высадив Илью с подопечными на поляне, скрылся за горизонтом, курсант вместе со своими подопечными не торопясь двинулся вперед по поросшему высокой травой сухому березняку. Малышкам лес нравился, они весело пищали и покрикивали, бегая в густой траве. Не прошло и двадцати минут, как непоседа Карри вспугнула какую-то толстую неповоротливую птицу с серо-коричневым оперением, которая, недовольно что-то поквохтывая, пробежала по траве и тяжело вспорхнула на ближайшую ветку, склонив голову и недовольно уставившись сверху на Илью. Это была удача. Илья, задержав дыхание, плавно расстегнул кобуру и достал пистолет. Тихонько поднял его, тщательно прицелился, и, как учили, плавно потянул курок. Грохнул выстрел, и птица завалилась вниз, а Илья почувствовал себя счастливейшим человеком. Если бы он знал, к каким последствиям приведет этот выстрел, ему бы было не так весело...

Птицу сразу подобрала Карри, показав немного замешкавшейся Лодке маленький розовый язычок. Та лишь фыркнула в ответ и скрылась в зарослях неподалеку. Илья же преспокойно шел вперед, несколько не беспокоясь о симпантах. Он их чувствовал. Так, на грани, еле-еле, но ощущал искреннее любопытство Карри, радость Лоды, отзвуки чувств малышей. Ничего конкретного, но Илья понимал – с его девочками все в порядке, пусть он сейчас их не видит и не слышит. Они познают мир, не надо им мешать.

Через пару часов сделали первый привал. Пайки трогать не стали, наскоро перекусили краюхой хлеба, ягодами и орехами, запив все ключевой водой. На родник наткнулся Илья, вдоволь напившись сам и набрав полную флягу. А вот прочие дары леса были прямой заслугой девочек. Удивительно – первый день в лесу, в незнакомой местности, а такие успехи. А может, это и закономерно. Илья помнил, что симпантов создавали в конце Великой войны,

когда империя была на грани поражения. Проект, который не давал бы быстрых результатов просто зарубили бы, на долгие исследования не было времени. Недаром Максимов говорил, что на полное созревание симпанга от рождения до состояния более-менее готового бойца нужно чуть менее года. Но каким чудом этого добились? Нет ответа. Может быть, научная удача, везение. А может, и кое-что еще... Потому что Разрушитель или, скажем, зеркало Дэвиса, они тоже того... как бы не от мира сего, а вот существуют. Впрочем, какая Илье разница? Принимай, что есть...

– Так, закончили дрыхнуть, – скомандовал Илья развалившимся в мягкой траве и нежившимся на солнышке симпанткам. – Нас еще ждут великие дела. До вечера не так уж далеко. Вперед!

Высокая трава сменилась мхом, березняк становился все ниже и суше и, наконец, закончился, а за ним, как и следовало ожидать, открылось небольшое болотце. Впрочем, вполне себе проходимое. Перебрались без проблем. Карри поймала лягушку, долго на нее задумчиво смотрела, но после строгого окрика Ильи есть не стала – выкинула прочь. Лода, казалось, смотрела на нее с осуждением, дескать, сестра, где твои манеры?

После болота пошел обыкновенный смешанный лес средней полосы. Илья уже стал присматриваться в поисках подходящей для ночлега полянки – прошли они вполне прилично, двадцать пять километров дистанция небольшая, хватит на сегодня, пожалуй. Время к вечеру, а в сумерках искать ночлег труднее. А вот, кажется, и подходящее место...

– Чужие! Опасность! – неприятное ощущение остановило Илью на самом краю поляны. В первый момент он даже не понял, что это. Это не было его ощущение, и не была его мысль. Даже не мысль, а скорее, не оформленный в слова эмоциональный всплеск. Откуда это взялось? Илья встряхнулся, внимательно посмотрел по сторонам. Что-то произошло, точно... А потом он вдруг понял: Карри! Это она послала сигнал.

Как ни странно, Илья соображал быстро. Первым делом, еще расстегивая кобуру, парень дал мысленную команду: все ко мне!

– Пистолетик-то брось, щенок, – раздался сзади негромкий мужской голос. – Как бросишь, поворачивайся, только медленно. – Дёрнешься – стреляю.

Илья начал аккуратно поворачиваться на звук, не выпуская из рук оружия, но едва начавшееся движение оборвал резкий звук близкого выстрела. Парень почувствовал, как что-то толкнуло воздух у самого уха.

– Следующая пуля в голову, – спокойно сказали сзади. – Бросай.

Пистолет упал вниз, и Илья медленно повернулся, поднимая руки вверх. А мысленно он уже кричал: «Карри, Лода! Немедленно прочь отсюда, не попадайтесь на глаза».

Перед Ильей стоял немолодой мужик в камуфляже, с автоматом наизготовку. «Так, это не лесник и не охотник, – отбросил первые предположения Илья. Как ни странно, но четкости мысли он не потерял, хотя ему было так страшно, что он физически ощущал, как трясутся его коленки. – Какие нахрен охотники с армейскими автоматами, – подумал он. – Может, какие-то военные?» – Хотя заросший рыжей бородой коренастый мужик с автоматом не носил на камуфляже ровно никаких знаков различия, эту версию стоит проверить.

– Я сын императора, курсант, – стараясь унять дрожь в голосе, сказал Илья очевидную любому разбирающемуся в имперской форме информацию. – Выполняю приказ. По какому праву вы задерживаете меня?

– По какому праву? – переспросил тот, ухмыльнувшись. – Ни по какому. Просто ты, гад, нам и нужен. Петр, обыщи его.

Из кустов вышел другой мужик, помоложе, худощавый и не в пример коренастому гладко выбритый, с таким же армейским автоматом за плечами. Поднял лежавший пистолет, снял со спины Илья рюкзак, профессионально охлопал по телу, изъяв нож и коммуникатор.

Затем без лишних слов достал из кармана пластиковые стяжки и крепко стянул Илье сзади руки.

– Хорош гусь, Иваныч? – полувопросительно обратился он к рыжему, закончив свое дело.

– А, пожалуй, Петя, что и неплохой... Сейчас мы его допросим. Сына, мать его, императора. Тот-то я думаю, что тут военные аэроботы нынче разлетались, стреляет кто-то... А на ловца, оказывается, и зверь бежит.

– Имя, звание, какой выполнял приказ? – обратился к Илье Петр.

– Илья Анечкин, младший курсант ИЛТУ, – ответил Илья, не запираясь. Сделал небольшую паузу и добавил: – Согласно уставу при попадании в плен информацию о приказе выдавать не имею права, только имя и звание. А вы кто такие?

– Здесь я задаю вопросы, – предсказуемо отмахнулся от ответа рыжий. – Не хочешь отвечать? Да, в общем, пока и не надо, мы не сильно торопимся. Сам вижу, что ты курсант. Вижу, что еще совсем щенок. Ну какое у тебя может быть в этом лесу задание? Да никакого, кто тебе доверит что-нибудь серьезное... Других таких, как ты, рядом нет, мы проверяли. Скорее всего, какие-нибудь курсы выживания в дикой природе. Имперские натаскивают свой молодняк, дело понятное. Вот только птички в петлицах у тебя какие-то странные... Отвечай, какая специализация факультета?

– Снабжение войск, – быстро соврал Илья первое, что ему пришло в голову. – Интендант я.

– Врешь... – подумав немного сказал рыжий. – Не похож ты на интенданта. Форма не та.

– У нас с этого года на факультете новую ввели.

– И это вранье. Ладно, с этим позже, – махнул рукой мужик. – Слушай сюда внимательно. Сейчас Петя даст тебе небольшой текст. Ты его прочитаешь под запись. Там немного. Про то, что ты, движимый чувством ненависти и отвращения к императору лично и его тирании, решительно порываешь с преступным прошлым и отказываешься от присяги и от отцовства императора. Потом ты спарываешь у себя с плеча имперский флаг, плюешь на него и топчешь ногами. Думаю, этого будет достаточно. Дальше ролик уходит в сеть, а ты, соответственно, уходишь с нами и у тебя начинается новая жизнь. Пойдет?

– А если нет? – голос Ильи жалобно дрогнул, несмотря на все попытки сохранить контроль над собой.

– Если нет? – Улыбнулся мужик. – Тогда тоже все просто. Мы опять-таки снимаем ролик. Только текст будет читать Петя. А я, – хитро прищурился рыжий, – а я буду отрезать тебе голову. Скажу тебе честно, Илья, – мне первый вариант нравится больше. Но и второй тоже весьма неплох. Ты подумай минут двадцать. Сейчас темновато, мы пока костер разведем, создадим, так сказать, нужный антураж для съемки. Ну а дальше – твой выход.

Думать Илье приходилось, лежа на холодной земле и в придачу со связанными ногами. Драгоценное время уходило быстро, но никаких вариантов спасения парень не видел. То, что ему сейчас отрежут голову, в этой самой голове никак не укладывалось, это был какой-то липкий, дурманивший ужас наяву. Но и отказ от присяги был немыслим. Он просто физически не мог этого сделать, как не мог сейчас разорвать стягивающий его ноги и руки пластик или улететь в вечернее небо. Не потому, что он храбрый. А просто не мог и все. Да и не верил он в хороший конец в случае предательства. Ролик с отказом сына императора от отцовства и присяги – это, конечно, ценно. Случай будет уникальный, и если эти двое из свободных наций, то он им еще как пригодится. Но одно дело ролик, а другое дело тащить потом живого Илью куда-то там... Шлепнут и закопают, всего делов.

Значит, остается что? Надо звать на помощь симпантов. Но они же совсем малышки, толку с них... Разве что погибнуть вместе. Не вариант... или попробовать?

Илья постарался максимально успокоиться, насколько это вообще возможно, и нащупать ментально Лоду и Карри. Так, они здесь. Илья почувствовал их страх, растерянность и, как не странно, злость. Даже не так – ярость. Его симпанточки были весьма злы на то, что их любимому папе кто-то причиняет боль и творит с ним всякие гадкие вещи. И только предыдущий категорический приказ Ильи удерживал их в кустах на краю поляны.

«Так, договориться о совместных действиях я не могу, – подумал Илья. – Не получится. Но отдать приказ к атаке – вполне. А там, будь что будет. Надо ловить момент».

Однако хорошие шансы на атаку никак не вытанцовывались. Рыжий с автоматом бдил, бритый тоже держался настороже. Нападать сейчас – чистое самоубийство.

– Все готово, – сказал, наконец, рыжий Иваныч, подтащив Илью к костру за шиворот, как мешок картошки, и прислонив спиной к стволу дерева. Ну что, кто речь говорить будет? Ты или Петя?

– Я, – обреченно сказал Илья. – Руки только развяжите, бумажку возьму.

– Не... – улыбнулся Иваныч. – Никакой самодеятельности не надо. Пока мы снимаем только твое лицо. Бумажку с текстом подержу я, снимать будет Петя.

Рыжий прислонил автомат к дереву, вытащил из кармана сложенный пополам лист бумаги с текстом и сунул его под нос Илье, держа листок обеими руками. Петя тоже отставил оружие в сторону, достав черную коробку коммуникатора, и, подойдя вплотную к Илье, активировал режим съемки.

«Ну вот и все, – пронеслось у Ильи в голове. И он беззвучно закричал из всех сил: – Атака!»

– Ну чего, читай давай, – прервал затянувшуюся паузу рыжий. Илья прокашлялся, потянул пару секунд. Ничего не происходило. Хотя нет, сзади, за спинами врагов, что-то промелькнуло темное. Как раз там, где валялись рюкзаки рыжего и бритого, а также собственный рюкзак Ильи.

– Поближе подойдите, – жалобно попросил Илья. – Не видно же ничего.

– Сейчас, – Иваныч немного придвинулся к Илье. – Что за...

Все-таки Карри не удалось подбежать совершенно бесшумно. Зато она двигалась очень быстро. Поэтому рыжий успел лишь развернуться головой в ее сторону. Выиграл он от этого только в одном – лезвие остро наточенного туристического топорика попало ему не в шею, а прямо в лицо. Весила малышка Карри чуть более тридцати кило, силенок у нее тоже было не так уж много, но Иванычу хватило. Зажав руками лицо, он повалился в траву. Петя, к его чести, отреагировал мгновенно. Бросив камеру, он рванул к автомату. Только вот оружия на месте уже не было. Секунду назад его уже утащила Лода. Оставленное же у дерева оружие рыжего успела подхватить отпрыгнувшая от упавшего Карри. Правда, быстро бежать с тяжелым автоматом она не могла и мгновенно нырнуть в спасительные кусты не успела, бритый ее заметил.

– Стой, тварь! – заорал Петя и, выхватив из-за пояса нож, бросился в лес за Карри. «Зря он это сделал, – как-то отстраненно подумал Илья. – Гоняться в чаще за симпантом дело неблагодарное».

Зрелища прекраснее, чем Лода с ножом в руке, в тот момент Илья не мог себе и представить. Малышка подскочила сбоку и с заметным усилием перерезала Илье обе пластиковые стяжки.

– Оружие бросила там – коротко пискнула девочка, показав Илье на дерево неподалеку, и бросилась в лес – не иначе помогать сестре.

За прошедшие полчаса руки и ноги сильно не затекли, так что Илья вскочил мгновенно и побежал к дереву, не обращая внимания на сильные покалывания в запястьях. Есть! Автомат бритого валяется тут же. Так, предохранитель снят, оружие к бою готово. Вперед.

Как только Илья нырнул в лес, он услышал два выстрела. Чуть погодя – третий. Стреляли из пистолета, причем совсем рядом. Ну что же, нет времени гадать, бегом...

Четвертый выстрел Илья услышал совсем близко и, обогнув дерево, вылетел прямо на спину бритого Пети, замершего впереди с пистолетом в руке. И тут же его обожгло волной страха и боли. Не его боли... Стервенея от понимания случившегося, парень плавно сдвинул предохранитель в положение огня очередями и с силой потянул спуск. Грохот. Приняв в спину с десяток пуль, Петя упал сразу, лицом вперед, приняв позу сломанной куклы.

Карри была жива. И даже не потеряла сознания. Пистолетная пуля пробила малышке кисть руки насквозь, оставив в маленькой розовой ладошке аккуратную дырку с окровавленными краями. Илья перевязывал ее и плакал. Он сам не знал, от чего. Может, это был отходняк после боя и пережитого ужаса, может, это были слезы облегчения от того, что Карри жива, может, еще что. Просто плакал и смеялся, не испытывая ни малейшего стыда по этому поводу. А рядом с ним плакала Лода, не забывая, однако, внимательно посматривать на связанного Иваныча, который оказался довольно живучим типом. И крепко сжимая в руке острейший трофейный нож, который она еще до начала схватки стащила из рюкзака покойного Пети. Закончив перевязку, Илья достал свой навигатор и решительно утопил кнопку аварийного вызова. Хватит с них приключений.

– Так это были экологи? – удивленно спросил Илья.

– Ну как, экологи... – замялся Максимов. – Мы их так называем.

Старший центурион встал с кресла и немного прошелся вдоль кабинета, видимо, собираясь с мыслями. Потом сел обратно, но уже рядом с Ильей, на один из стульев, стоявших вдоль небольшого стола для совещаний.

– Это древняя история, Илья. Очень древняя. Еще со времен глобального экономического кризиса, в конце старой эры. Ты же знаешь, чем он обернулся для нас...

– Конечно, это же в школе проходят, – кивнул головой парень. – Глобальная разруха, распад мировой экономики. А затем становление имперского национального проекта, реставрация монархии, воцарение императора Игоря Первого, собрание земель. В идеологической сфере – обновленная концепция империи как Третьего Рима. На уроках что-то еще говорили про экономические и социальные предпосылки имперской реставрации и создания союза свободных наций. Но я больше ничего не помню толком, господин центурион, у нас учитель по истории такой зануда был... Да и кому вся эта древность сейчас интересна.

– Еще как интересна, – перебил его Максимов. – Это сейчас все так просто кажется – взяли предки да и восстановили империю. А в те времена каких только мнений не было. А сколько было обиженных, особенно когда национализировали собственность и шел процесс становления новой элиты... Наверное, только благодаря Игорю Первому мы и смогли через все это пройти. Титанического масштаба была личность, уже столетия прошли, а некоторые его до сих пор ненавидят... Ладно, отвлеклись.

Так вот, когда стало ясно, что в космическую программу вкладываются огромные деньги, недовольных этим было много. А уж когда народу сказали, что империя пошла на договор с Духом империи... Ты же должен понимать, Илья, Дух империи не просто так наши корабли по космосу носит, помогает с инопланетными технологиями и контактами. Нет... Фактически мы делегировали ему часть своего суверенитета, выражаясь дипломатическим стилем. Так вот, число недовольных тогда еще хорошенько подросло. И многие прямо стали утверждать, что империя пошла на сделку с сатаной. Который уничтожит нашу землю, отравит нашу воду и в конечном итоге заберет наши души. И соответственно предложили свой путь – отказ от глобальных космических программ, деиндустриализация, разрыв договора с Духом, возврат к природе. Сначала они занимались мирной борьбой за экологию, но потом

дело дошло и до терактов. Сначала на космических заводах, а потом и где придется. Однако термин «экологи» в среде спецслужб к ним с тех времен еще прилип.

– И они до сих пор существуют?

– Как ты убедился, да. Хотя встретить их в центре империи, в лесу... Не знаю, что уж они там делали, но тебе, Илья, редкостно повезло... или не повезло. Вообще их прилично повыбили, но под корень эту заразу вывести трудно. Умеют они находить аргументы и сторонников. Да и свободные нации им помогают.

Максимов помолчал немного и решительно шлепнул рукой по столу.

– Закончим с этим, Илья. Раненому сделали операцию, когда он сможет говорить, то с ним поговорят те, кому следует. Для нас эта тема закрыта. Тебе – безусловно зачет за полевой выход с оценкой «отлично» и положительная отметка в личном деле. Молодец. За Карри не переживай, через пару недель от раны ничего не останется. Будем жить дальше. О случившемся настоятельно советую помалкивать. Мы друг друга поняли, курсант?

– Так точно, господин старший центурион!

– Вот и славно. Свободен.

– Господин центурион, курсант Анечкин выполнял боевую задачу по уничтожению противника в секторе стрельбы «Д», – докладывал Илья, морщась от холодного зимнего ветра. – В ходе боя наблюдал: пулеметный расчет – поражен, ручной противотанковый гранатомет – не поражен, отходящая группа пехоты – не поражена. Боеприпасы израсходованы полностью, задержек при стрельбе не было, – закончил доклад Илья.

– Не, ну кто так стреляет! – центурион Арузин упер свой палец Илье прямо в грудь. – Плохо, курсант, очень плохо. Исполнение безобразное. Кто упирал магазин в землю при стрельбе лежа? Грубейшая ошибка! Это полная хрень, а не стрельба. И ведь далеко не первое занятие уже. И задницу свою ты вечно отклячиваешь. Да в этом снегу на твою задницу можно артиллерию наводить – отличный ориентир для противника.

Илья стоял и обтекал. А что делать, пистон вставляли, в общем, заслуженно. Ну не давалась ему стрельба. И вроде же он не жирдяй и спортивные нормативы худо-бедно сдавал. Теория оружейного дела – нормально. Со сборкой-разборкой, порядком ухода за штатным оружием сначала были сложности, но затем он вроде понял фишку. В конечном итоге имперское оружие устроено без лишней зауми, с большой степенью унификации и с расчетом на полевые условия. Освоил до автоматизма работу с парой моделей автоматов и пулеметов – дальше с чем угодно справишься, просто по аналогии, если, конечно, не говорить про всякий дорогуший хай-тек вроде ручных лазеров, электромагнитных пулеметов или инопланетной техники. А вот практическая стрельба не давалась. Вроде все правильно делал – а вот только пули все больше летят в молоко.

– Ты ведь пойми, Илья, – сбавил тон Арузин. – Ты не только за себя отвечаешь, но и за своих симпантов. У них в приоритетах твоя защита забита намертво, превыше всяких уставов. Что с того, что в бою они тебя превосходят на голову? Тебя ранили – все, боевая тройка вышла из боя. Они будут тебя перевязывать, защищать и эвакуировать, боевая задача побоку. Не дай бог тебя убили – вообще полный срыв. Могут пойти на врага как камикадзе, либо упасть на землю и закулиться в своем горе до смерти, от пули противника или от нервного истощения – по-разному бывает. В любом случае это уже не бойцы. Крепость цепи определяется самым слабым звеном. Ты, конечно, не можешь быть, как твои симпанты по силе и ловкости. Но хотя бы нормально стрелять и маскироваться научиться можно.

– Так снег же, господин центурион, – попытался оправдаться Илья. – Не видно ничего и ветер пули сносит.

– У тебя сносит, а вот у Ледневой почему-то не сносит, – отмахнулся Арузин. – Плохому танцору, знаешь, что мешает? – продолжал офицер. – Знаешь? А я тебе все равно скажу – яйца. Вот нахрена они тебе, Илья, если ты хуже Маши стреляешь?

Илья стоял молча и ждал, когда Арузин выговорится. Кроме того, он аккуратно пытался ментально придержать стоявших рядом Карри и Лоду. Вообще-то изрядно подросшие и окрепшие к зиме симпантки неплохо понимали смысл сказанного. Они также подчинялись субординации и отдавали себе отчет, кто такой Арузин и прочие старшие офицеры. В какой-то мере... Но вот то, что их любимого Илью сейчас обижают, они тоже понимали, и это им не нравилось. Очень. Илья видел как у Карри опасно суживаются зрачки, и почти чувствовал, как короткая розовая шерстка под теплыми зимними комбинезонами и термобельем встает дыбом.

– Легче, девочки, легче, – старался послать сигнал Илья, внутренне улыбаясь. – Служебный момент. Бывает.

Арузин симпантов чувствовать не мог. Но случайно встретившись взглядом с Лодой, почему-то быстро свернул свой монолог.

– Короче, даже медведей в цирке на велосипеде учат ездить, – буркнул центурион. – Сделаем и из тебя стрелка. Я поговорю с Максимовым насчет дополнительных занятий.

– Так, теперь задачу отрабатывают симпанты. Курсанты Леднева, Анечкин, Жарова, Ватин – приготовиться. Симпанты – на полигон. Запомните – основные баллы даются не за поражение целей, а за лучшее управление группой. Худшая группа – наряд на склад перед отбоем, там Степаныч просил грузить что-то...

Десять фигурок симпантов потрусили к исходным позициям, поправляя поудобнее автоматы. Пять девочек и пять мальчиков, ага. Посмотрим, кто сегодня пойдет на склад.

По сигналу, из замаскированных щелей на полигоне выехали первые мишени, условно изображавшие цели, и десять фигурок, заскользив по неглубокому снегу, открыли огонь. Симпанты двигались стремительно, меняя позицию одна за другой и легко выполняя упражнения. Стрельба лежа, сидя, стоя, на ходу... По сравнению с их хозяевами они выглядели явно выше классом. Но и нормативы для них были другие. Мишени появлялись дальше и на более короткий срок. От Ильи и других курсантов требовалось сейчас одно – управлять своими подопечными. Что это такое, Илья не смог бы внятно объяснить на самом строгом допросе. Это как езда на велосипеде – умеешь или не умеешь, словами не пересказать, инструкцию не написать. Подбодрить, мысленно окрикнуть, что-то донести, почувствовать... как-то так. Или не так. Тот, у кого симпантов не было, не поймет. Симпант без эмпатической связи с хозяином полноценно действовать не может – это аксиома.

– Хорошо, – кивнул головой Арузин, когда стихли последние выстрелы. – Посмотрим, что у нас тут... – центурион, прищурясь, посмотрел на экран наладонника. – Расход патронов – триста, в молоко сорок восемь, остальные в цель. Ага, статистика по группам. Так, так, так. Ну что, господа курсанты... прогресс у всех налицо. Но швеллеры грузить кому-то все равно придется. Итак, к Степанычу отправляется, отправляется к Степанычу группа... – центурион, явно издеваясь, тянул паузу, – ...группа курсанта Жаровой. Катя, ничего личного, ну худшая статистика по очкам у тебя. Управление тоже плохое – в ходе боя Тилль обстреливал те же цели что и Кнарр. Надо больше стараться.

Взгляд, которым Катя одарила Тилля, был красноречив. Как у разгневанной мамыши. Симпант аж съежился, стараясь быть незаметнее. Ну что же, это дела семейные...

– А лучший результат, кстати, у Анечкина, – удивленно пожал плечами центурион. – Молодец, Илья. Управление группой хорошее. Ладно, на сегодня заканчиваем, – Арузин выключил наладонник и мотнул головой, сбрасывая с капюшона налипший снег. – Напоминаю, через неделю начнем смешанные занятия – симпанты плюс командир в условиях, приближенных к боевым. Вам всем еще надо много поработать.

На Новый год дали пятидневную увольнительную. Илья долго мучился, прикидывал так и этак, но домой все-таки не поехал. Хотя, безусловно, очень хотелось, – еще бы, он с начала лета не был в Арнинске и не видел родителей. Почему не поехал? А много было

причин самого разного свойства, но самое главное – симпанты. Раньше в плотном графике ежедневных занятий думать и рефлексировать было особенно некогда, а вот сейчас поневоле пришлось.

Как Илье показалось, родители его выбор до конца не поняли и не приняли. Когда он разговаривал с отцом по телефону, голос у того был... жалкий какой-то. Да и мама тоже... растерялась. Не рады были родители, что их Илюша стал сыном императора такой ценой, ох не рады. И неудивительно, в народе «крыс» и их хозяев не понимали и побаивались. Илья и сам таким был семь месяцев назад. И вот он заявится сейчас домой с симпантами, пройдет с ними по улочкам городка, где его знает каждая собака, сядет за новогодний стол дома... и какими глазами на него будут смотреть?

Ладно, взгляды Илья переживет, фигня. Но симпанты? Это же он не собачку завел. Они тоже все прекрасно чувствуют и очень много что понимают. За отсутствие агрессии Илья был уверен, но ведь ему с симпантами теперь жить всю жизнь. Тут дело покруче, чем невесту на смотрины домой привести. А Лода и Карри хоть и вымахали уже под метр шестьдесят, а в драке любого мужика прибьют за несколько секунд, но разумом и психикой все еще во многом маленькие девочки. Несмотря на стремительное взросление, им фактически еще года от роду нет. Они могут обидеться, не так понять, да мало ли. Тем более в непривычном окружении и среди людей, которые их не понимают и побаиваются. А ведь этого никто, кроме Ильи, не понимает, для остальных они просто, что там говорить, чуть ли не чудовища... Сможет ли Илья разрулить все острые моменты? Вопрос.

Был, конечно, вариант оставить симпантов в училище. Вроде бы гладкий вариант. Несколько дней без него Лода и Карри переживут, хотя скучать будут очень. Но если Илья им твердо внушит «так надо», то они смирятся. Зато он съездит домой один, подготовит, так сказать, почву к дальнейшему знакомству с родными.

Вот только душа у Ильи к этому не лежала. В Библии вроде бы говорится, что худший грех это гордыня, но Илье всегда казалось, что нет греха страшнее предательства. Оставить симпантов страдать здесь, а самому уехать отдыхать в увольнительную? Как-то это... почти то же, что и предать. И ведь все всё поймут, слишком сильна между ними троими ментальная связь. Нет, этого Илье не хотелось.

Поэтому Илья остался в Диастаре. Утешив себя тем, что летом он точно получит три недели отпуска. К этому времени и девочки повзрослеют, и времени на то, чтобы все утрясти, будет побольше. А пока – рано.

Так решил не только он один. Из их дружной четверки домой уехала лишь Катя Жарова. Ну да, она меньше других была подвержена рефлексии и на все высказанные Ильей соображения только пожала плечиками...

– Нефиг филонить, – твердо заявила Катя. – У нас в деревне хозяйство большое, мои мальчики помогут хоть коровник подлатать. Проще надо быть. Пока, мальчики и девочки, – легко улыбнулась Катя и вспорхнула в идущий на станцию автобус. Следом за ней поднялись тяжело нагруженные подарками для многочисленной Катиной родни Вилль, Кнарр и вечно последний Тилль. Илья, Дима и Маша остались вместе со своими симпантами на остановке.

Надо сказать, что никаких близких друзей Илья в ИЛУ так и не завел. Другие курсанты не очень-то общались с учащимися на факультете Д-21. От «крысаков» старались держаться подальше. Да и сама специфика обучения не предполагала тесного общения с другими курсантами – у Д-21 были свои собственные казармы, для его курсантов устраивали отдельные занятия. К тому же каждый курсант факультета общается прежде всего со своими симпантами, внешний мир проходит по остаточному принципу. Но если вдруг появилось свободное время... Кто поймет хозяина симпантов лучше собрата по факультету? Поэтому неудивительно, что проводив взглядами ушедший автобус, Илья, Дима и Маша синхронно посмотрели друг на друга.

– Полно времени, – сказала Леднева, ковыряя носком зимнего берца мерзлую землю.

– Во-во, – продолжил Дима. – Что делать будем, господа курсанты? – озвучил повисший в воздухе вопрос парень. – Лично я за учебу не сяду. Обрыдло. – Три его симпантки согласно кивнули головами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.